Г. К. ЛУКОМСКИЙ

СТАРИННЫЕ
УСАДЬБЫ
ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

2-е дополненное переиздание

ХАРЬКОВ

ХАРЬКОВСКИЙ ЧАСТНЫЙ МУЗЕЙ
ГОРОДСКОЙ УСАДЬБЫ

2005

ББК 63.3 (4 Укр)
Л4
УДК

Печатается по изданию:
Г. К. Лукомский. Старинные усадьбы Харьковской губернии. Часть первая.
Издание графа Н.В. Клейнмихеля. Петроград, 1917.

Издание осуществлено за счет финансовой помощи
фирмы «Рубикон-А» ООО, директор Сергей Голота.

Редакционная коллегия:
С.А. Голота, И.Л. Лосиевский, В.Л. Маслийчук, А.Ф. Парамонов (председатель),

Иллюстрации:
Н.В. Клейнмихель, Г.К. Лукомский, А.Ф. Парамонов

Предисловие:
В. Л. Маслийчук, А.Ф. Парамонов

Послесловие:
А.Ф. Парамонов

На обложке:
Нарбут Г.И. (1886–1920) «Старинные усадьбы Харьковской губернии».
Обложка книги Г.К. Лукомского. 1916. Тушь, перо.
Из фондов Харьковского художественного музея

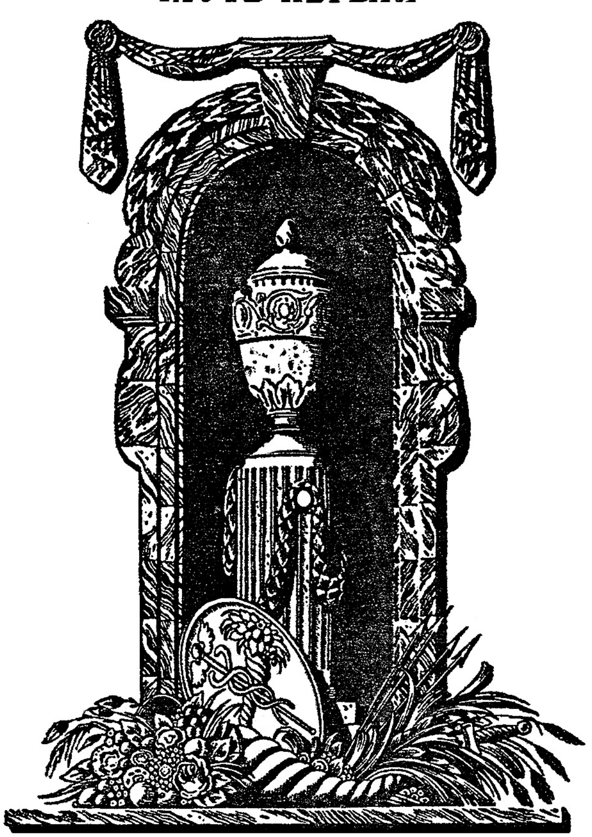
Издатели выражают благодарность дирекции и сотрудникам
Харьковского художественного музея и сердечно поздравляют
с 200-летним юбилеем музея.

Г. К. ЛУКОМСКІЙ.

СТАРИННЫЯ УСАДЬБЫ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗДАНІЕ
ГРАФА Н. В. КЛЕЙНМИХЕЛЬ
1917

Старинныя усадьбы Харьковской губерніи

Издано
въ пользу сгорѣвшей церкви
въ с. Лютовкѣ.

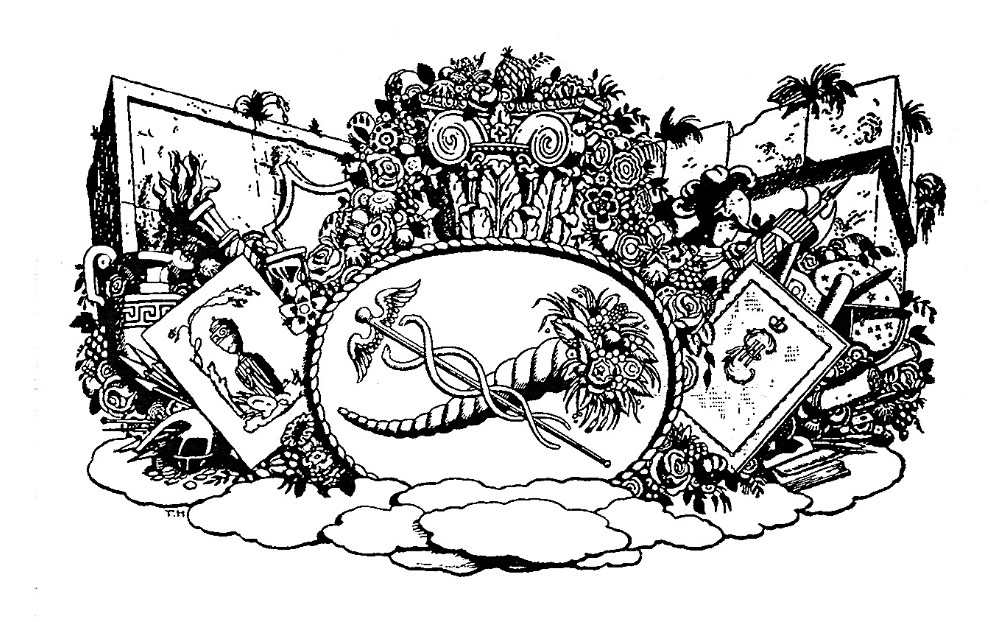
Часть первая

Уѣзды:
Ахтырскій, Богодуховскій, Валковскій,
Волчанскій, Сумскій, Харьковскій.

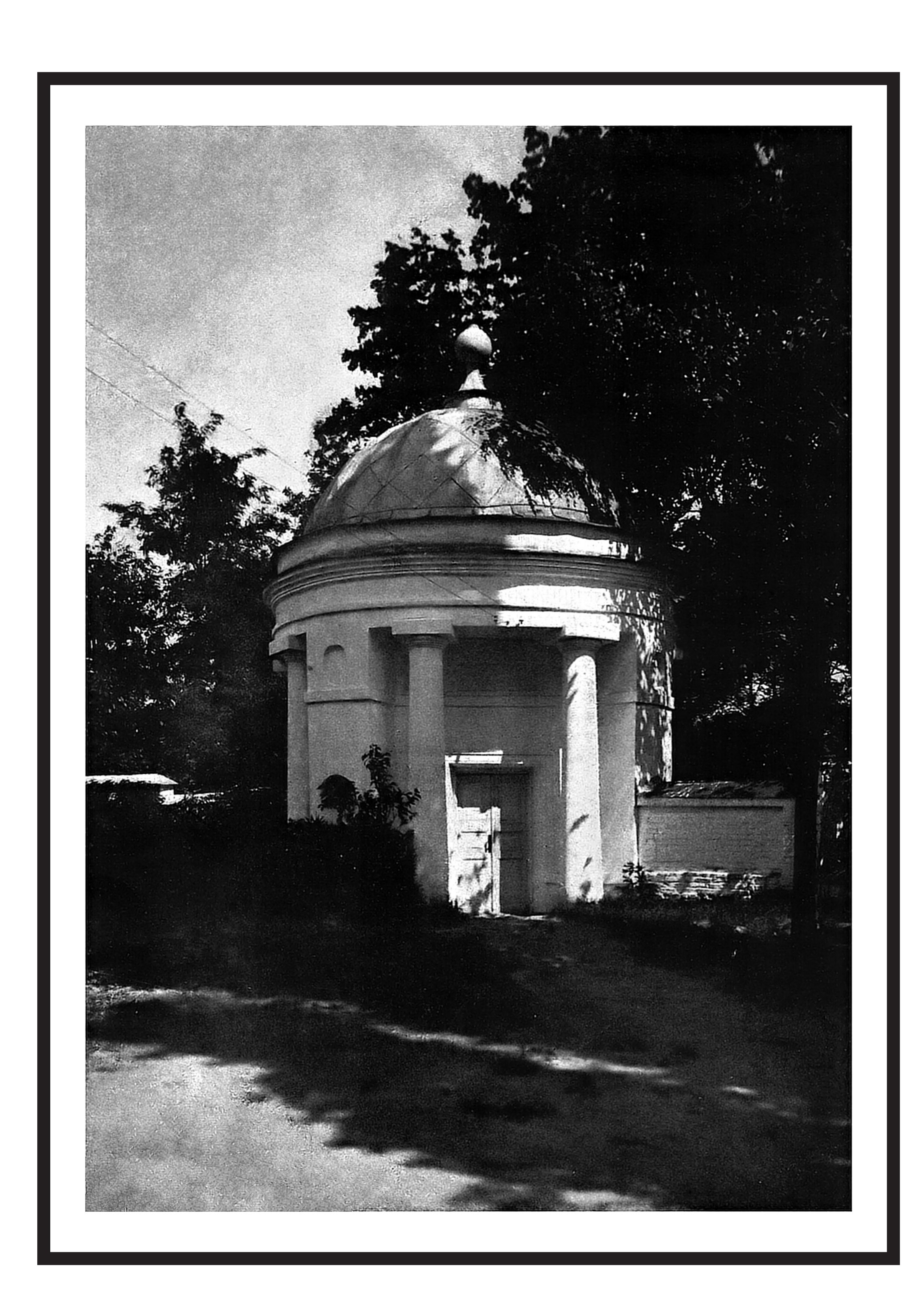
Петроградъ
1917

Г. К. ЛУКОМСКІЙ

СТАРИННЫЯ УСАДЬБЫ

ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ

ПРЕДИСЛОВИЕ
КО ВТОРОМУ ПЕРЕИЗДАНИЮ

Класс помещиков был автором художественной картины огромной красоты, картины, именующейся: усадьба. <...> Забыто было только одно: необходимость приучить крестьян к сознанию ценности усадьбы, добра, благополучия и, особенно, собранию художества!

Г.К. Лукомский

Почти три года назад мне посчастливилось готовить к печати первое переиздание книги Г.К. Лукомского «Старинные усадьбы Харьковской губернии». Тогда мне казалось, что книга разойдется в несколько недель, поскольку ее оригинал давно уже стал библиографической редкостью. Время шло, и только недавно стало очевидно, что благодаря постоянной деятельности Харьковского частного музея городской усадьбы, в котором я имею честь служить, книга наконец обрела достойное признание современного читателя, и уже возникла необходимость в новом переиздании. Думаю, что мы бы получили от автора этой необыкновенной книги Георгия Крескентиевича Лукомского и ее издателя Николая Владимировича Клейнмихеля многочисленные похвалы, за которыми были бы скрыты волнения и горечь утраты усадеб Харьковской губернии, описываемых в далеком 1914 году. В печальное время переиздаем мы труд Г.К. Лукомского, когда так близко окончательное уничтожение почти всех памятников усадебной культуры, о которых идет речь в этой книге. Жаль, что понимание их ценности может прийти к большинству наших граждан гораздо позднее, когда останется только лишь вздыхать на месте, где располагался красавец-дворец или был разбит дивной красоты парк.

Сегодня как никогда остро стоит в Украине вопрос сохранения культурного и исторического наследия. Старинные усадьбы на грани полного разрушения и вымирания. Основной причиной этого, по моему мнению, стало равнодушие и невежество власти. Усадебная культура нередко оценивается не иначе как культура имперской России. Вместе с исчезнувшими усадьбами вычеркиваются и имена владельцев, воспитанных на идеалах чести и достоинства, высокообразованных и высококультурных людей своего времени.

Печальная судьба усадеб на территории Харьковской области в первой четверти XX века объясняется прежде всего тем, что Харьков был столицей Украины, здесь, словно на полигоне, испытывались все способы стирания исторической памяти у народа.

Именно здесь в первые годы советской власти было уничтожено наибольшее число храмов, больше всего усадеб разобрано на кирпич и древесину. Лучше других сохранились усадьбы и храмы Лебединского, Сумского и Ахтырского уездов. Хотя и там многие замечательные дворцы пострадали от разграбления и пожаров.

Но и в годы независимости Украины уничтожены сотни историко-культурных объектов, и число это растет день ото дня. Если ранее гибель усадеб была вызвана постыдной жаждой легкой наживы, то сегодня это больше похоже на варварство и ничем не оправданное небрежение.

Таким актом варварства стал вывоз частной фирмой «Техногрес» керамической плитки из усадьбы Щербининых в с. Бабаи. Не помогли ни громкое имя прежних владельцев (как-никак совсем недавно, в августе 2004-го, одному из Щербининых – первому Харьковскому наместнику – был поставлен памятник рядом со зданием обладминистрации), ни пребывание в свое время в усадьбе Г.С. Сковороды. Власти долго не контролировали состояние этого объекта мемориального значения, а владелец здания – сельскохозяйственное предприятие вовсе не знало, что с ним делать. А посторанжевое областное управление культуры заявляет, что это варварство – шанс для спасения уникальной плитки, так как здание разрушается. И никакой экспертизы, никаких предложений для меценатов о возможном спасении всей усадьбы. Увы, провинциальность Харькова становится более чем очевидной... Желание фирмы «Техногрес» пополнить свой музей керамической плитки было бы похвально, если бы оно содействовало открытию музея в самом доме Щербининых, где сохранились еще четыре печи, кроме ими вывезенной, но рассчитывать на подобные чудеса не приходится – слишком очевидна пропасть между предпринимательством и меценатством. По сути, это сигнал для мелких грабителей и желающих украсить свои дачи элементами старины: дай им только волю – и от уцелевшего они не оставят камня на камне.

В связи с этим и подобными фактами привлекает особое внимание деятельность Харьковского областного управления архитектуры, допустившего огромное количество разрушений и перепланировок старинных зданий в городе Харькове. И имя главного архитектора области г-на Ю. Шкодовского, убежден, должно стать для будущих поколений харьковчан нарицательным. Достаточно красноречива позиция областного управления, считающего, что нужно идти не по пути расширения списка памятников архитектуры в городе и области, а наоборот, многое вычеркнуть из этого списка! Патриотами таких чиновников не назовешь, так и просится на перо догадка: а не личный ли интерес тут у г-на Шкодовского и его соратников? Но даже на общепризнанных памятниках архитектуры, к каким, без сомнения, относится дом по ул. Рымарской, № 4, допускаются, с позволения наших дипломированных архитекторов, и расширение окон, и нелепая реклама, и покрытие стен безобразной керамической плиткой.

Да таких зданий в Харькове множество, разукрашенных в три-четыре цвета по числу владельцев. Растут, как грибы, надстройки, мансарды, крылечки в европейском стиле. Старинные здания уничтожаются просто кварталами, и все – с позволения управления

архитектуры. Особенно пострадал харьковский Подол, где стерты с лица земли здания первой четверти XIX века. Не беда, что в них жили очень известные в свое время люди, зачем проводить исследования по истории домовладения, нет ведь его в числе объектов, внесенных в свод памятников, скоро и другие вычеркнем! Впрочем, нового свода памятников у нас в области нет вовсе, и нужен ли он этим «замечательным» чиновникам – борцам с «архитектурными излишествами»? Новое, яркое, пусть и безобразное, всегда лучше милой старины. Но неужели нельзя возводить многоэтажные современные здания на пустопорожних местах, без нарушения целостности архитектурного облика Харькова? Все равно ведь жить там будут люди обеспеченные и имеющие собственный транспорт. А вместе с тем большинство архитекторов забывают главную свою обязанность: не навредить городу, его облику, его исторической части.

Старинный Харьков состоял целиком из одних усадеб, только городских, принадлежавших самым разным сословиям. У одних сословий эти усадьбы были больше, у других меньше; само их обустройство также зависело от образа жизни и ремесла владельца, но в целом было общим. Ведь усадьба – это универсальная устойчивая и оптимальная для дореволюционной России форма человеческого бытия. Городская усадьба включала в себя как минимум дом и дворовое место, могли быть также флигели, амбары, ледники, сараи, каретные сараи, конюшни, сад, или левада. Это отдельный мир, который так упорно не хотят замечать многие исследователи истории, а архитекторы и строители нарушают его.

Понятно, что чиновники из Харьковского областного управления архитектуры не желают вносить в свод памятников архитектуры вновь выявленные объекты. Так и получилось, что дворец графа Н.В. Клейнмихеля, издателя этой книги, не имел чести быть внесенным в свод памятников. Такого же неуважения «удостоились» деревянный усадебный дом действительного статского советника Е.С. Гордиенко, усадьбы Л.Е. Кенига в селах Таверовка и Гуты. Объекты промышленности вовсе не признаются памятниками архитектуры: в 2004 г. погиб уникальный по архитектуре винокуренный завод Х.И. Гебенштрейта в с. Кленовое, приходят в ветхость дома, строившиеся для служащих, управляющих сахароваренных заводов П.И. Харитоненко и Л.Е. Кенига в Мурафе, Пархомовке и Кленовом.

Что же теряет Харьков и его нынешние и будущие горожане? Неужели так много, что об этом нужно говорить? По сути, Харьков является сегодня наиболее сохранившимся губернским городом Левобережной Украины. Большинство его соседей об этом и мечтать не могут. Такие, как Донецк и Сумы, были уездными городами, Луганск – это город-завод, Полтава более патриархальна и вместе с тем очень провинциальный губернский город, Днепропетровск (Екатеринослав) сильно пострадал в годы Великой Отечественной войны. Если же говорить о Киеве, то ему сильно вредит столичный статус, где уже давно закрывают глаза на значительные изменения старины, и в этом Киев – город такой же судьбы, что и Москва и Санкт-Петербург. Другое дело Харьков, с первым на Левобережье университетом, одной из богатейших в России ярмаркой, крупный транспортный узел,

связывавший столицы с югом; он на сегодняшний день является одним из сохранившихся губернских городов Российской империи. Сюда приезжают специалисты, исследователи, архитекторы для ознакомления и изучения расположения зданий, архитектурных особенностей, сравнения с типовыми проектами XIX века. В последнее время приезжают все чаще и чаще и, увы, говорят: нас ждет то же, что и в России – уничтожение старинных зданий и замена их уродливыми, современными. Мы теряем исторический облик любимого города, его усадебный мир, а Харьков должен был бы стать городом-заповедником, хранителем истории прошедших эпох.

Что же приобрел Харьков за последние годы? Появились памятники футбольному мячу, скрипачу на крыше, тощим влюбленным. Есть также «сокол на палочке», обезобразивший площадь Розы Люксембург по случаю 10-летия независимости Украины, памятники основателям Харькова (с ярко выраженным грузинским акцентом), Ярославу Мудрому, Александру Невскому и Архангелу Михаилу, отцу Федору с чайником на железнодорожном вокзале и Кисе Воробьянинову на улице Петровского. Из последних с Харьковом связан разве что отец Федор (проездом!), да и тот… вымышлен. Грядут и новые, не менее феноменальные монументы. Славься, город с памятниками, совершенно не отражающими его историческое и культурное прошлое! Может быть, вы найдете памятник харьковскому полковнику Ивану Сирко? Или сделавшему Харьков столицей слободского казачества Григорию Ерофеевичу Донец-Захаржевскому? Не трудитесь, не найдете.

Фактически сохранились немногие, чудом охраняемые государством объекты, а по сути они влачат жалкое существование и выживают благодаря лишь усилиям энтузиастов и глубоко преданных своему делу людей. А если же вдруг властями оказано внимание к усадьбе, то ее ждет евроремонт, мощение дорожек тротуарной плиткой и такое мифотворчество, которое не соответствует реальной истории и действительности. Взять хотя бы как пример подобного внимания усадьбу в Сковородиновке, где находится могила философа и поэта Г.С. Сковороды. Вложив немалые средства в создание этого музея, государство не удосужилось подумать о создании серьезной исследовательской базы, твердя устами сотрудников музея о комнате, где жил философ и где он умер, а подлинный дом коллежского асессора Андрея Ковалевского занят клубом, но никак не музеем.

Главной же проблемой усадеб Харьковской губернии можно считать отсутствие хозяина. Поскольку в большинстве своем они являются памятниками архитектуры или объектами мемориального значения, то подлежат приватизации, а прежними государственными владельцами они покинуты. Усадьба Шидловских в Старом Мерчике брошена ветеринарным техникумом, усадьба Тихоцких в Синихе – сельской школой, усадьба Фесенковых в Комаровке – пионерским лагерем и т.д. Невнимание историков и специалистов к ним как к объектам старины поставило их на край пропасти, а зачастую привело к гибели. Усадьбы Натальевка и Шаровка известны у нас достаточно широкому кругу населения (сколько уже было статей, телепередач!), только это не делает их спасаемыми и спасенными. Собственниками их остаются туберкулезные санатории. Но этим усадьбам еще повезло, они сохранили достаточно былого величия и красоты и остаются

в поле общественного внимания, а вот другие и вовсе используются селянами для хранения сена, содержания домашних животных и птицы.

Можно ли сберечь искалеченные и изуродованные усадьбы, или хотя бы самые ценные из них? Или же их судьба – полное исчезновение, как прежде исчезли их создатели и строители? Возможно, усадьбам суждено остаться лишь в нетленных произведениях наших литераторов. Усадебной культурой практически мало интересуются сегодня на Украине, более того, феномен обаяния художественной завершенности усадьбы, синтетичности и целостности усадьбы и природы никем не изучается. Между тем очевидно – понятие усадьбы значительно расширилось в последние десять-пятнадцать лет благодаря серьезному исследовательскому интересу к этой проблеме российских ученых. И говорить надо уже не только об утраченных в усадьбах раритетных рукописях, библиотеках, коллекциях картин. Речь идет не только об архитектурном ансамбле, садово-парковом искусстве, литературных и художественных образах, а о грандиозном по масштабам рукотворном ландшафте, созданном на всей протяженности Центральной России и в бывших южных губерниях Российской империи.

Вне сомнения, территория бывшей Харьковской губернии занимает одно из ведущих мест по числу усадеб. Достаточно сказать, что здесь на начало XX века существовало более 1500 усадеб разных стилей и ценности. Безусловно, большая часть из них принадлежала мелкопоместному дворянству и не заслужила благодарных отзывов Г.К. Лукомского. Позволю себе заметить, что даже сегодня, используя современный транспорт, я не смог объехать и половину тех мест, где располагались усадьбы, хотя посвящаю этому уже седьмой год. Так что в любом случае Г.К. Лукомский и граф Н.В. Клейнмихель просто физически не смогли бы этого сделать за одно лишь лето 1914 года. Но это нисколько не умаляет достоинств любой усадьбы, располагавшейся в Харьковской губернии. Ведь для того, чтобы понять феномен усадьбы, расширить представление о ней, необходимо глубокое и всестороннее изучение как можно большего числа памятников, сохранившихся до нашего времени.

Для такого исследования недостаточно иметь представление о самых известных усадьбах, поскольку они не дают целостной картины, характеризующей усадебную культуру региона. Появившаяся краеведческая литература по истории усадеб, конечно, достойна внимания, но она должна попасть под пристальный взор серьезного исследователя и обязательно дополнена достаточным фактическим архивным материалом. Большинство исследователей широко используют материалы переиздаваемой нами книги Г.К. Лукомского. В печати подчас можно встретить целые абзацы текста, цитируемого без ссылок, а то и оформленного в виде статей, в том числе и переведенного на украинский язык и ... присвоенного другими лицами. Признавая значительные огрехи Г.К. Лукомского в исторических комментариях, ни в коем случае не хочется вторгаться в тот его текст, в котором зафиксировано увиденное автором великолепие усадеб. Г.К. Лукомский задавался вопросами: как складывался архитектурный облик усадеб, старается определить участие владельца-заказчика в их художественном формиро-

вании, что целиком отвечает направленности и современных исследований. Автору, конечно, было гораздо легче искать ответы на подобные вопросы, но ответы эти были отодвинуты на долгие десятилетия. Их напрасно искать в советских публикациях, только недавно исследователи усадебной культуры постепенно подошли к пониманию, что сам облик усадьбы создавался не столько безвестными или знаменитыми архитекторами либо безымянными крепостными мастерами, сколько характером самого владельца и заказчика, его вкусом и представлениями о том, что есть гармония в природе и человеческой жизни – жизни на лоне природы. Это понимание помогает нам сделать вывод, что усадьба – прежде всего портрет самого хозяина. Он приглашал тех или иных мастеров, зодчих и садовников, принимал работу, заказывал элементы интерьеров, детали убранства комнат и мебель. Неповторимость наших усадеб была напрямую связана с личностью их владельцев, и книга Г.К. Лукомского свидетельствует: речь идет не только о материальных ценностях, но и о ценностях духовных.

И последнее. Мы и не в силах противопоставить себя вездесущему уничтожению памятников усадебной культуры, но все-таки необходимо пытаться воспитывать в людях бережное уважение к старине – в этом главная задача переиздания книги Г.К. Лукомского. Продолжая дело ее автора, своим вниманием и новыми исследованиями усадеб Харьковской губернии мы также помогаем незащищенным и гибнущим памятникам старины. Желаем и вам, уважаемый читатель, не остаться равнодушным к историческому наследию Слободской Украины!

Андрей Парамонов

Світ, який ми втратили

«Світ, який ми втратили» — саме цю відому фразу англійського соціального історика Пітера Леслета хотілось би взяти як стислу характеристику чудової книжки Г. К. Лукомського та М. В. Клейнміхеля «Старинные усадьбы Харьковской губернии», що була надрукована в буремному Петрограді 1917 р. Хоча мова в даній книжці йде лише про частину «втраченого світу», яка сьогодні чи не найбільше піддається нашому захопленню, — про побут провінційних дворянських садиб XVIII — XIX ст. Саме ця частина «втраченого світу» існує в багатьох усвідомлених та й неусвідомлених варіаціях: від незбагненного зачудування минулим, а в тому минулому історичні діячі набувають ледь не казкових, переважно позитивних рис, до, власне, утилітарного милування порцеляновою чашечкою з панської садиби, чи, скажімо, бажання сфотографуватися біля мармурових левів у залишках графського маєтку графа Клейнміхеля в с. Лютівці поблизу Золочева.

У «втраченому світі» люди дещо не такі, як зараз, — божні, чуйні, чемні, шляхетні, завжди готові допомогти, щедрі, освічені, вони плекають старовину, так відрізняючись від сучасного бездушного і раціонального світу. Найголовніше, що той світ був би «втраченим» по-всякому. Сувора модернізація, нові форми суспільних взаємин так чи інакше б знищили оте старе, миле, традиційне, «коли час немов завмер», але «неправильне», нелегітимне знищення того світу в результаті жорстокої революційної бурі та тривалого експерименту радянської доби підсилює тугу за несправедливо загубленим і незрозумілим.

Саме отой «втрачений», безповоротно «втрачений» світ і постає зі сторінок даної книги. А переосмислення історії, чергове «віднайдення традиції», що так вирізняє наше сьогодення, надає цій книжці ще захопливішого, актуальнішого, цікавішого шарму.

Отже, влітку 1914 р. граф Микола Клейнміхель, поміщик Харківської губернії разом з видатним російським мистецтвознавцем Георгієм Лукомським на авто мандрували губернією, досліджуючи й фотографуючи поміщицькі старожитності. Як наслідок — добре ілюстрована книга про пам'ятки архітектури та побуту. Напевно читач зверне увагу, що це лише перша частина із запланованого видання (західні та північні повіти губернії); матеріали з багатих на пам'ятки південних та східних повітів, з додатками світлин, які не увійшли до першої частини, так і залишились невиданими й десь загубилися під час революційних перипетій. Однак навіть надрукована частина надзвичайно цінна для шанувальника старовини чи дослідника-науковця, бо в ній бодай на фото зберігається те, що «не повернеться вже знову».

Історія дворянства Харківської губернії, ми переконані, ще стане об'єктом прискіпливого дослідження істориків, але саме вона є наочним відображенням неоднозначності та, якщо хочете, суперечливості української історії, історії діалогу на прикордонні, в даному випадку російського й українського, модернізації й традиції, «великих прагнень та малих звершень», є яскравим свідченням неодноманітності соціального розвитку величезної Російської імперії.

Виникнення місцевої еліти пов'язане з заселенням українськими та російськими переселенцями значної частини Дикого Поля, що перебувала під контролем Російської держави. Управління цією територією відбувалося за прикордонними козацькими звичаями, з середини XVII ст. до 1764 р. тут існували особливі військовопомісні одиниці – слобідські козацькі полки. Саме нащадки старшин слобідських полків і склали основу майбутнього дворянства. Будучи вихідцями з досить демократичних козацьких кіл, родоначальники провідних старшинських родин: Кондратьєви, Куколь-Яснопольські, Лесевицькі, Перехрестови, Донець-Захаржевські, Ковалевські, Капустянські, Самборські, Куколевські – передавали свої старшинські посади дітям, приятелям, найближчим родичам, поступово формуючи в слобідських полках своєрідні «родини», що зосереджували в своїх руках як місцеве управління, так і основу тогочасного багатства – земельний фонд. Слід зазначити, що до складу місцевої еліти протягом її оформлення як стану «вливалися» не лише представники українського козацтва, але й російські служилі, що обіймали значні посади в слобідських полках (Тев'яшови, Чорноглазови, Кардашеви), представники молдавської еміграції після Прутського походу 1711 р. (Куликовські, Абази, Мечникови, Бедряги, Кантеміри). Поступово прошарок служилих старшин набував ознак окремого стану (за висловом З. Когута, «нової шляхти»). Станова свідомість та легітимізація свого становища у слобідських старшин, як і старшин сусідньої Гетьманщини, пов'язувалась з попередніми надбаннями, виводом своїх прав від шляхти Речі Посполитої. Нащадки старшин вірно оберігали залишки «слави» предків, цінуючи давні парсуни (як Г. Кондратьєва чи Ф. Осипова в даній книжці) або зберігаючи усні перекази, яких чимало увійшло до майбутніх історичних писань.

Оформлення слобідсько-українського дворянства як окремого стану в часи поступової інкорпорації регіону до Російської імперії відбувалось паралельно зі становим виокремленням загальноросійського дворянства, тому слобідсько-українські «пани-шляхтичі» XVIII ст. залежали від указів стосовно служилого прошарку центрального російського уряду. Але українські особливості повсякчас тяжіли над місцевим дворянством, саме вони були знаковими для згуртування в земляцькі корпорації далеко від Батьківщини, слугували підставою для місцевого регіонального дворянського патріотизму.

Уже в 30-х рр. XVIII ст. реформою князя О. Шаховського царський уряд спробував зрівняти козацьких старшин з російськими офіцерами, «регуляризуючи» козацьку службу (за «Табеллю про ранги» 1722 р. – регулярна офіцерська служба вже була свідченням шляхетськості). 1764 р. особливий козацький устрій слобідських полків скасували, старшинам дозволялось або займати нижчі офіцерські звання в утворених

на базі слобідських гусарських полках, або піти у відставку і мешкати в маєтку (знову спадає на гадку «Грамота про вільність дворянства» 1762 р.). Вибори до Комісії по складанню Нового Уложення 1767 р. підтверджували «дворянський статус» старшини, бо майже всі представники козацьких родин були внесені до виборних дворянських списків, мало того, ставали ланкою управління, бо мали представницький орган – дворянський з'їзд з вибору маршалків. Як і по всій імперії, Жалувана грамота дворянству 1785 р. підтверджувала виникнення загальноросійського дворянства як стану, але разом з тим спричинила «бум» історичних доказів місцевих поміщиків за право йменування дворянами і внесення до «Родовідних книг». Нарешті, 1802 р. імператор Олександр І підтвердив права дворянства Слобідсько-української губернії, в подяку харківські поміщики за досить неоднозначних (й досьогодні дискусійних) умов підтримали ініціативу В. Н. Каразіна щодо відкриття університету в Харкові.

Зміни в Росії першої половини XIX ст. – війна 1812 р., декабристи, форми господарювання в поміщицьких маєтках, стратифікація стану, нові мобільні можливості, пов'язані з умовами переїзду у всі частини імперії чи за кордон – все це заторкнуло провінційне харківське дворянство. Старі старшинські роди занепадали, згасали, у їх маєтностях з'являлися нові господарі з колишньої Гетьманщини, центральних районів Росії, нащадки сербських і чорногорських емігрантів, німецьких лікарів, перехрещених єврейських підприємців. Строката палітра місцевого дворянства доповнювалася «новими дворянами» – колишніми солдатами, що досягли офіцерських звань, заможними селянами та купцями, що купили ранг і маєток.

Скасування кріпосного права 1861 р., подальші події в Російській імперії відбилися і на долі місцевого дворянства. Часткова втрата й занепад старих привілеїв, нові відносини в суспільстві вражали легкоранимих провінційних панів. Авторка прекрасних мемуарів поміщиця К. Задонська з жалем писала наприкінці XIX ст.: «Я пишу эти строки в страшное время скорбей моей родины. Мы уже видим: «Мерзость запустения – на месте святе». Мы видим совращение детей с пути истины»[1]. Патріархальна старовина відходила в минуле, молодь не шанувала старих, більшість садиб порожніло, дворяни роз'їжджались, продавали свої маєтки з архітектурними шедеврами колишнім «мужикам», ліберальна преса галасувала з приводу земельних суперечок поміщиків із селянськими громадами – старий світ починав губитися в нових відносинах. Звернемо увагу на те, що видавця і автора передмови книжки графа М. Клейнміхеля захоплює «стара історія», «минувший быт» до середини XIX ст., далі все ставало жалюгідним, запустілим, менше цікавим. Стан не витримував темпу модернізації.

Революційний шторм розкидав представників місцевого дворянства в різні куточки світу. Нам практично невідома доля графа Клейнміхеля. Зважімо, наприклад, на представників важливого і значного роду Харківської губернії Ковалевських: частина з них загинула у вихорі воєн, Петро Євграфович Ковалевський став чільним представником

[1] *Задонская Е.* Быль XIX столетия (детям моим). – Харьков, 1907. – Т.1. – С. 287.

російської еміграції в Парижі, відомим емігрантським істориком[2], його далекий родич Андрій Петрович Ковалівський (українізувавши прізвище) викладав у Харківському університеті теж історію, перекладав з арабської та низки інших мов[3]. Різна доля представників «втраченого» стану відгукується і сьогодні.

Але була ще одна риса, що досить таки вирізняла місцевих дворян і передусім в побуті. Наприкінці XVIII ст. більшість місцевих поміщиків змінили «черкаское платье» на французький камзол, старожитній лаврський Псалтир на французьку книжку, «чистый малороссийский язык» на «цивілізованішу» і тоді престижнішу російську мову. Проблема зміни побутової ідентифікації – окрема тема для розмови (до речі, жорстко та кумедно зображена в «Пані Халявському» Г. Ф. Квітки-Основ'яненка), та цікаво не це, а те, що і надалі побут місцевого поміщика виразно і примхливо поєднував як старі українські традиції (кахляні печі, стару зброю, парсуни), так і нові віяння російського мистецтва, західні впливи, що йшли через Москву та Петербург. Спадковий дворянин Харківської (та чи лише Харківської) губернії, вірно служачи Російській імперії, часто палко любив милу серцю «Малоросію», вважаючи її невід'ємною часткою могутньої держави. Згадаймо хоча б цю своєрідну рису українського класика Г. Ф. Квітки-Основ'яненка. Знову ж пригадуються представники роду Ковалевських – брати Євграф та Єгор, що здійснили запаморочливу по тих часах кар'єру в Петербурзі.

Так, міністр освіти Росії 1859—1861 рр. Євграф Петрович Ковалевський дозволив за свого урядування друкувати український часопис «Основа» (за що йому пізніше й дорікали)[4]. Його брат Єгор, подорожуючи по світу з Африки до Китаю, чуючи деінде влучний вислів українською мовою, захоплювався: «Ах, как это хорошо... Ну может ли что-нибудь сравниться с этим»[5]. Служба імперії, захоплення милою, далекою, провінційною Батьківщиною (власне ностальгія, притаманна всебічно освіченим дворянам) – це те (а в наш мобільний час, коли люди так легко змінюють місце проживання, роботи, мову спілкування), що знову ж викликає відчуття певної «втраченості» того світу.

Для дослідника історіографії дана книга цікава по-своєму. Передусім відчуття автором передмови, графом Клейнміхелем, історії місцевого дворянства. Історики місцевого краю, залежачи від кон'юнктури, досить по-різному висвітлювали історію «благородної верстви», по-різному формували образ як козацьких старшин, так і їх нащадків. До початку 80-х рр. XIX ст. місцеві історики (І.І. Квітка, Г. Ф. Квітка-Основ'яненко, В. Н. Каразін, І.І. Срезнєвський, преосв. Філарет), самі переважно дворяни й нащадки

---

[2] Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть века. //Энциклопедический биографический словарь. – М., 1997. – С. 296–299.

[3] Див. про нього: Тези міжнар. наук. конф., присвяченої 100-річчю від дня народження А.П. Ковалівського. – Харків, 1995.

[4] Див. про нього, зокрема: Шевченківський словник. – К., 1975. – Т.I. – С. 305; *Романович Славатинський А.* Воспоминания об архиве Государственного совета// Киевская старина. – 1888. – № 6. – С. 256.

[5] *Ковалевський Е.П.* Собрание сочинений. – СПб., 1871. – Т.3. – Странствователь по суше и морям с биографическим очерком и портретом автора. – С.3.

козацьких «урядників», наголошували на знатності походження старшинських родоначальників, буцімто те, що вони походили з православної шляхти Речі Посполитої, всякий діяч минулої доби (за окремими винятками) поставав покровителем церкви, хоробрим воїном, вправним господарем, справедливим поміщиком. Просвітницьке та романтичне сприйняття історії підсилювало колорит: шаблі старшин «плавали в крові поганих», чесні, благочинні, поважні старшини були просто взірцем бездоганного, простого «традиційного» суспільства (як у «Панні Сотниківні» Г. Ф. Квітки-Основ'яненка).

Згадана «дворянська» історіографія носила певний відбиток часу «легітимізації» становища місцевої еліти другої половини XVIII ст. Шанування старовини в дворянських маєтностях кінця XVIII – першої половини XIX ст. мало досить часто корисливі риси. Визнання заслуг предків, справна генеалогія були безпосереднім доказом дворянського статусу, володіння маєтками й підданими, збережені документи на купівлю ґрунтів, людей, листування й перекази – юридичними знахідками під час численних межових сварок. Але любов до історії і у другій половині XIX – на початку XX ст. набувала інших рис, і більшість дворян поставали ледь не подвижниками в справі збереження історичного минулого. Знову не втримаємося від цитати. У передмові до мемуарів матінки на початку XX ст. дворянин В. Задонський тужливо відзначав: «В старину свято хранили семейные предания. Наши деды с точностью знали свое родство, свое происхождение, все доблестные дела своих отцов. Наши бабушки за грех почитали, если внуки забывали о предках своих... Наше время – время общего неуважения – забыло эту черту народного быта, и нельзя сказать, чтобы нынешнее равнодушие к старине послужило нам на пользу... Пора вспомнить об этом нашему легкомысленному веку и вернуться к добрым навыкам старины»[6].

Стрімкі суспільні зміни другої половини XIX ст. виводили на кін нову історіографію – наукову, з критичним ставленням до джерел, тісно пов'язану з викладацькою діяльністю істориків. Ця «історія» писалась не в дворянському маєтку чи в келії священика, а на університетській кафедрі чи в будинку чиновника. Але всякий історик бачить минуле поглядом сучасника. Старі приказки «sine ira et studio» (без гніву й упередження – лат.) чи «wie es eigentlich gewesen war» (як воно насправді було – нім.) відповідають лише поглядам даної доби, коли «гнів», «пристрасть», «правда» набувають свого значення. Вірні слуги імперії, значною мірою противники реформ дворяни та їх предки поставали у низці писань не зовсім привабливими. В українському випадку це відбувалось особливо вразливо: яскраво несамовиті вірші Т. Г. Шевченка, багаті на використання першоджерел історичні твори О. М. Лазаревського підсилювали неприязнь до шляхетського минулого. З вірою в «прогрес», історичну місію народу нові історики вбачали в дворянському стані певний рудимент минулого.

Твори Д.І. Багалія, А. Л. Шиманова, О. Д. Твердохлібова поступово спростовували «легенди» слобідсько-українського дворянства: про знатне походження перших козаць-

[6] *Задонская Е.* Быль XIX столетия... – С. XVI.

ких старшин (виявлялося, що ті старшини спочатку були простими козаками), про безкорисливе та вірне служіння монарху (ті старшини виступали досить таки «невірними», а за ряд пільг та привілеїв відмовлялись від політичної боротьби за «право та вольності» (за ту ж старовину)). Хоча, будемо відверті, першого своєрідного «ляпаса» місцевій еліті дав нащадок відомого роду та український класик Г. Ф. Квітка-Основ'яненко. Поруч із захопливими образами в творах класика «Конотопська відьма», «Пан Халявський», «Дворянские выборы» місцеві українські поміщики і старшини постають дещо пришелепкуватими, дивакуватими, заскорузлими в провінційності. На початку XX ст. нащадок також знаменитого слобідського роду, історик Є. О. Альбовський відверто глузував з наявності «клейнод» і гербів у предків старшин[7]. Що говорити про радянську історіографію (А. Слюсарського, З. Звєздіна, В. Воліса), де дворяни й старшини – експлуататори, «здирці», класові вороги і таке інше.

У куценькій передмові аж ніяк не відобразити рефлексії та метафори історіографії історії дворянства Харківської губернії, тільки слід зауважити факт, що граф Клейнміхель, пишучи свою передмову про історію дворянської садиби, виразно тяжів не до сучасної йому критиканської історіографії, а до тої старої з наголошенням на знатності й справедливості поміщиків регіону. Радячись з ученими – Д. Багалієм та Є. Івановим, користуючись переважно уже надрукованими джерелами, граф просто не вірив твердженням істориків: наприклад про те, що славетний, «шляхетний» Григорій Донець-Захаржевський був спочатку простим десятником Грицьком Донцем.

Подібно до «старої» історіографії, яка напевно закінчилась помпезною і розкритикованою книжкою Л. Ілляшевича «Краткий очерк истории харьковского дворянства», М. Клейнміхель любить історичні перекази, колоритні оповідки. Це остання, відома нам в Росії «шляхетська» історія харківського дворянства (розробляючи історію свого роду, лише через сорок два роки в Парижі П. Є. Ковалевський гектографічно видав брошуру «Род Ковалевських за триста лет» – останнє свідчення дворянської легітимізації).

Таким чином, виявляється, що критика М. В. Клейнміхеля та Г. К. Лукомського – трохи не остання пам'ятка «втраченого світу», що підсилює її значимість й інтерес до цього твору.

Напевно слід коротко сказати про авторів цієї книжки.

Про Георгія Крескентійовича Лукомського (16.03.1884 – 1952) відомо чимало: славетний архітект, знавець світового мистецтва, автор багатьох книжок, статей, малюнків, «емігрант з 1919 р.», він залишив помітний слід у мистецтвознавстві, своє ім'я в багатьох енциклопедичних довідниках. Щодо графа Клейнміхеля Миколи (Васильовича?), тут лише можемо згадати, що він володів маєтком Лютівка в Богодухівському повіті Харківської губернії і був повітовим дворянським предводителем, а наприкінці 1914 р. відправився на Першу світову війну[8]. Та не це вражає, а певно те, що Г. К. Лукомський і

---

[7] *Альбовский Е.* Харьковские казаки: вторая половина XVI в. – СПб., 1914. – С. 126.

[8] Див.: Харьковские губернские ведомости. – 1915. – 8 марта.

М. В. Клейнміхель були доволі молодими людьми, щиро закоханими в минуле, молодою і певно не цілком зреалізованою паростю старого «втраченого світу», в якому поміщик видавав книгу за свій кошт, щоб увесь прибуток офірувати на відбудову церкви в селі, де знаходилась його садиба.

Мрії Миколи Клейнміхеля з відбудови церкви в Лютівці не були реалізованими, однак видана його коштом, хоча й запізно, книга теж має свою історію. Після першого видання «Старинные усадьбы» вдруге побачили світ 2002 року за сприяння банку «Аверс» й зусиллями на сьогодні знаного харківського шанувальника старовини Андрія Парамонова. Книга мала певний розголос, і зараз наклад уже розпродано. Треба зазначити, що передмову до того видання писав я дуже нашвидкоруч, звідти у тій передмові чималенько помилок і не лише орфографічних. Важливою «родзинкою» цього видання стали світлини теперішнього стану старих садиб, зроблені невтомним Андрієм Парамоновим і розміщені наприкінці книги.

Лише допіру, наприкінці 2004 року в серії «Українські пропілеї» в Києві вийшов грубенький том праць Г. Лукомського (Лукомський Георгій. З української художньої спадщини. — Київ: Українські пропілеї, 2004. — 712 с.). Передмову, доволі цікаву за манерою викладу (Георгій Лукомський як український мистецтвознавець. — С. 7–17.), написав київський історик Ігор Гирич. На сторінках 18–154 цього тому містяться «Старинні садиби Харківської губернії», перекладені з видання 1917 р. українською мовою. Дана книга — переклад найцікавіших праць видатного дослідника мистецтва.

Однак «харківське» перевидання «Лукомського–Клейнміхеля» уже зникло з полиць книгарень, а згаданий «київський» україномовний том робіт знаного архітекта, на жаль, з нинішньою системою книгорозподілу недоступний для харківського читача. Саме тому в Харківському приватному музеї міської садиби вирішено ще раз перевидати цю книгу з істотним додатком, текстом та ілюстраціями того, що на сьогодні залишилося від садиб, так захопливо описаних Лукомським 1914 року. Дійсно, такий додаток — знахідка для мандрівця Харківщиною та Сумщиною. Проте видання цінне не лише цим. Зважмо на сам огляд садиби Георгієм Крескентійовичем Лукомським: описуючи садибу, він воліє зазначити не окремі будівлі, а увесь комплекс, ансамбль розсташування будівель, прибудов, парків. Створюється цілісна картина, гармонійна й насичена. Усякий залишок цієї картини, якщо він зберігся досьогодні, повинен бути відреставрованим та збереженим. «Війна палацам», оголошена революційними романтиками передусім духовному пориві, мала дуже згубний практичний наслідок. Сучасна людина все дужче віддаляється від розуміння краси й своєї причетності до її творення. Бо всякий архітектурно-парковий ансамбль — це не лише «примха» пана, але й праця, й творчість його підданих чи найнятих людей. Це наше з вами минуле. І дана книга багато в чому — докір збайдужілим, черствим, загрузлим у власній дріб'язковості нащадкам. Ставлення до минулого — моральний стан суспільства, у нашому разі ладного забути, щоб самому бути забутому. Це негарна й безперспективна риса. Одначе, коли такі книги ще виходять, то це принаймні розбурхує приспану надію на розуміння

громадськістю та місцевою владою проблем культурної спадщини, змушує мене повз позір академічності писати, такі майже ліричні речі вчергове, розчулюючись й бентежачись щодо сучасності.

Та чи, власне, слід говорити про вразливість, коли йдеться про не цілком зрозуміле, але таке зворушливе для людини, для історика: старі кахлі на печі в селі Липці, «служби» в Малижині, портрет Федора Осипова, церкву, обгороджену тином, в Матвіївці, копію з портрета Боровиковського, вишукані форми Мерчанського палацу, портрети невідомих із Сніжкового Кута, арку на в'їзді до палацу Гендрикова, іконостас у Бездрику, листи, помережані французькими фразами, – усе те чуже й рідне «гомонить далечиною, казковою давниною».

© *Маслійчук Володимир*,
кандидат історичних наук

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Мне давно пришла мысль лично осмотреть и как-либо запечатлеть те художественные помещичьи усадьбы родной мне Харьковской губернии, которые остались нам в наследие от давно минувших лет.

В наши дни новые владельцы этих усадеб, среди которых встречаются и простые мужики, иногда не задумываются разобрать на «кирпичи или на дрова» прекрасный старинный дом, павильон или памятник, чтобы воздвигнуть на их месте хозяйственную постройку или жилой дом «в стиле модерн»; то же случается и с другими видами сокровищ древности.

Поэтому мне казалось крайне желательным, чтобы люди, любящие художественную старину, общими усилиями предприняли труд повсеместной регистрации и воспроизведения сохранившихся памятников старины в разных областях искусства с указанием их художественного значения. Этим, может быть, удалось бы многое спасти от уничтожения.

Шаги в этом направлении были сделаны по Московской, Тульской, Вологодской губ. Харьковская губерния богата еще необследованными памятниками старины и в области археологической, и в области архитектуры гражданской и церковной в городах и весях.

Но меня лично интересовали старинные усадьбы в Харьковской губернии и все относящееся к помещичьему быту минувших веков до середины XIX столетия. Мне хотелось обследовать лишь эту область.

И вот, в июне 1914 года, вместе с автором этой книги, архитектором Г. К. Лукомским, мы предприняли объезд Харьковской губернии на автомобиле с 2 фотографическими аппаратами, стараясь, по возможности, сделать снимки со всего, что представляло для нас специальный интерес.

Мы заканчивали объезд шестого уезда из 11, имеющихся в Харьковской губернии, когда вспыхнула война с Германией. Мобилизация вызвала меня к месту службы, а мое-

го сотрудника в Петроград. Нечего было и думать о продолжении начатого труда. Всем было не до того.

Но прошло два года. Стало ясно, что производительная мощь России даст ей возможность не только поражать врагов на рубежах своих, но также продолжать неослабно дело своего культурного развития.

Не замерло служение искусству, не угас в обществе также и интерес к художественной старине.

Это сознание побудило нас теперь же использовать собранный материал и выпустить первый том издания с описанием усадеб шести уездов с тем, чтобы позднее появился 2-й том с материалами по остальным пяти уездам.

В заключение этих строк считаю приятным долгом принести благодарность всем владельцам усадеб, оказавшим нам радушное гостеприимство и содействие нашей работе предоставлением многих материалов. Не могу также не выразить благодарности проф. Д. И. Багалею и секретарю Харьковского Историко-Филологического общества при Императорском Харьковском Университете Е. М. Иванову за их ценные библиографические указания для моего краткого «Очерка истории Харьковской усадьбы», помещенного ниже.

Гр. Н. В. Клейнмихель

ОТ АВТОРА

Систематизируя и описывая представленный здесь материал, я надеялся, что он 1) будет интересен желающим ознакомиться с характером усадебного строительства России, 2) явится полезным подспорьем для интересующегося отечественным строительством — этим лучшим «портретом» быта, вкуса и способностей народа, и, наконец, 3) даст нашим архитекторам красивый и здоровый источник для композиции, особенно при выполнении ими проектов усадеб.

В самом деле, формы усадебного зодчества конца XVIII и начала XIX столетия являются столь самобытными русскими, несмотря на классицистическую основу их стиля, столь образцовыми и, кажется, приемлемыми во все грядущие времена, что надо только пожелать современным помещикам-строителям и авторам-архитекторам следовать заветам, оставленным нам предками. В них сосредоточено и благородство форм, и простота выполнения, и уют пропорций, и даже комфорт.

Кроме этого, я уверен, что, несмотря на некоторые возможные пропуски и недостатки изданного материала (конечно, хотелось бы еще более подробного, исчерпывающего представления всех имеющихся сейчас в каждой усадьбе предметов искусства и старины), все-таки многие выяснят то значение, которое этот материал имеет в отношении художественно-архитектурном наряду с другими подобными сооружениями России.

Увидя свои усадьбы изданными в книге, быть может, иные собственники проникнутся большим уважением к имуществу, которым они обладают, а потому уменьшится количество случаев вандализма и заметным станет, вообще, более бережное отношение к родной старине.

Материал, собранный нами при объезде усадеб, разбит по уездам, и в этой же последовательности дано мною его описание.

Такая система, надеюсь, цельнее представляет богатство того или иного уезда памятниками старины и жизни каждого уезда в его прошлом.

Описываемый мною материал удалось представить полнее в отношении архитектурном. Воспроизведены не только фасады лучших усадебных дворцов, но и детали их, даже флигеля, служебные помещения; также удалось снять постройки, быть может, второстепенного значения, но все же заслуживающие внимания и любопытные для зодчего. В конце концов, часто не только первоклассного значения усадьбы (Мерчик, Хотень), но и небольшой домик и беседка так удачно были скомпонованы в стиле *empire*, что является еще вопросом, представляло ли большую трудность для зодчего создать художественное сооружение при наличии богатейших материалов, простора форм и

участия в деле лучших мастеров-лепщиков, или при ограниченном пользовании деталями и помощью лишь бревен и досок. И потому-то часто скромные беседочки удачнее многих богатейших фасадов, и есть даже такие постройки этого рода, которые являются положительно *chef d'oeuvre*'ами архитектуры.

К сожалению, мне не удалось сделать достаточного количества удачных фотографий *interieur*'ов усадеб, а также не довелось представить в книге с тою же исчерпывающей точностью, как, например, в отношении фасадов, коллекции картин, фарфора, мебели и документов.

Надеюсь, что ко второй части издания удастся присоединить снимки с некоторых наиболее интересных предметов, хотя, конечно, исчерпывающее представление коллекций в таком общем издании едва ли и возможно: в пределах Харьковской губернии есть еще, к счастью, усадьбы, столь обильно наполненные произведениями искусства, что они заслуживали бы самостоятельного описания.

В наши задачи входило лишь дать общую картину усадебного строительства края.

Г. К. Лукомский

ОЧЕРК ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКОЙ УСАДЬБЫ

ГЛАВА I

У нас имеется очень немного источников, чтобы судить о быте помещиков Слободской Украины первых времен после ее заселения. Лишь отрывочные, но ценные для нас указания удалось почерпнуть среди документов частных архивов и в трудах известных исследователей Харьковской старины.

Как известно, присоединение Малороссии к Московскому царству произошло в 1654 году, но еще с 1617 года началось массовое переселение казаков из Польской Украины по направлению на восток.

Десятки тысяч семейств покидали родные места на правом берегу Днепра и селились на живописных, покрытых лесом и тучными лугами, берегах рек Донца, Псла, Ворсклы и их многочисленных притоков.

Весь этот край тогда представлял собою цветущую пустыню на протяжении многих сотен верст к югу от Белгородской оборонительной черты. Сторожевые разъезды и отдельные всадники, выезжавшие для осмотра и охраны из городищ этой черты по шляхам к югу, не встречали никаких селений на своем пути. Самые шляхи эти в описаниях средины 17-го века обозначаются направлениями на горки, перелески и броды, и только набеги татарских орд оставляли более ясные следы на этих дорогах в виде насыпанных курганов, вырубленных просек и наскоро сбитых мостов.

Но зато леса и степи изобиловали в то время зверями и птицами, а реки – многочисленными породами рыб.

Заселяя эту богатую пустыню, новым пришельцам с запада приходилось защищать ее от частых набегов крымских соседей, которые продолжали до конца 17-го века смотреть на вновь заселенный край, как на богатую ниву для грабежей. Татары наносили молодому краю громадный вред, не только грабя и убивая население, но главным образом задерживая на целое столетие культуру его и развитие экономической жизни.

И вот, в эту трудную эпоху мы впервые слышим о дворянских фамилиях, имя которых долго гремело впоследствии в жизни Харьковского края. У Ригельмана в «Статье о Печенегах» мы видим, что в первой половине 17-го века с первыми партиями казаков переселились шляхетские фамилии Захаржевских[1], Кондратьевых, Лесевицких и других. Мы видим также, что вокруг этих имен объединяются переселившиеся казаки, избирают их своими руководителями. Действительно, в те годы места полковников в Харьковском и др. Слободских полках занимались членами этих фамилий. Ряд жалованных грамот царей Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и Петра выданы на имя полковников Донца, Лесевицких, Квитки, Шидловских, Куликовских, Ковалевских и Кондратьева.

Полковник в то время являлся не только вождем, ведущим свой полк в бой, но и администратором целого района, находящегося в ведении того же полка. Здесь он был всемогущ, как гетман[2], подобно ему носил булаву и жаловал грамоты (универсалы). В то же время он являлся крупным помещиком этого района, так как цари московские щедро наделяли землями полковников за их службу и за верность их полков Московскому престолу в дни многочисленных смут и восстаний на Украине.

К жалованным землям полковники скупали окрестные владения, а иногда и захватывали их самовольно и заселяли казаками, или черкасами, которые охотно шли под защиту влиятельных и сильных владельцев, а иногда и беглыми людьми с Москвы и Польши. Таким образом складывался постепенно класс крепостных в этом крае, или «подданных черкасс», как их часто именуют в документах того времени.

Пожалованием, скупкой и захватом земель объясняется объединение того громадного количества земли в руках одного лица полковника, которое после него делается достоянием целого рода.

Мы видим, что потомки Сумского полковника Герасима Кондратьева еще в царствование Екатерины II владели в Сумском и Ахтырском уездах 119083 дес., не считая владений в Курской губернии[3]. Полковник Григорий Ерофеевич Донец (Шляхетный Захаржевский, знаменитый своими походами на Крым) и сын его Феодор владели значительною частью Харьковского, Змиевского и Валковского уездов. Их владения перешли целому ряду Харьковских дворянских родов: Щербининых, Квиток, Дуниных,

---

[1] Д. И. Багалей в истории гор. Харькова (т. I, стр. 81) опровергает дворянское происхождение Донец-Захаржевского, приводя ссылку в описании г. Харькова 1663 г. на десятника Грицька Донца, но был ли тот Грицько знаменитым победителем Крымцев, которого современники определенно называли «Шляхетным Захаржевским».

[2] Именуется Гетманич (Михайловский архив).

[3] Арх. Филарет. Истор. -статист. описание Харьков. епарх. 1859 г.

гр. Сиверс, Веселовских, кн. Голицыных и Трубецких. То же мы видим с землями могущественного Ахтырского полковника Ивана Ивановича Перекрестова, которому принадлежала значительная часть Ахтырского и Богодуховского уездов. Земли эти отобраны были Петром Первым, прогневавшимся на Перекрестова, и переданы им частью царскому духовнику Надоржинскому, а частью в род другого полковника Осипова, и перешли от них фамилиям Корсаковых, кн. Голициных (Славгородск.), Лесницких, Кованько, Палицыных, Павловых и др. То же самое происходит с землями других полковников, Ковалевских, Лесевицких, Квитки, Хорвата, Боярского и др.

Интересны некоторые подробности приобретения земель в те времена, когда ценность земли была ничтожна, когда границы ее определялись направлением на реки и леса, а пространство – числом дней, потребных для ее вспашки одним плугом[4], когда о сохранении границ мало заботились, и соседи могли незаметно прихватывать участки в несколько квадратных верст. Так мы читаем в рапорте сотника Кременецкого о землях Городнянской сотни, 1779 г.[5]:

«Владелец бывшой в Ахтирском полку Полковник Иван Перекрестов усильно завладел лесною дачею от Валковскаго яру на 4 версты сосновых боров сгоры речки Мерлы, с вершины Будянскаго дачи на низ на Мерлу и чрез речку Мерчик до Краснокутской дачи в длину на восемь поперечнику от Мурафских дач до реки Мерло на 4 версты», и далее у него же: «владелец бывшей в Ахтирском полку полковой судья Матвей Боярский по Козаевскому яру повыше местечка Городного ратушной землей с лесами, угоди и рыбными ловли завладел в длину и поперечнику например на- две версты и на оной земле поселена его владельческая деревня Глибовка, чем ныне владеет жена его судейская Евдокия Боярская»[6].

В числе крепостей на земли Ахтырского полка находим мы купчую, по которой, пишет преосвященный Филарет, «ахтырскому полку, полковой есаул Матвей Осипов сын Шарий в 1770 г. приобрел за 4 рубля, луг и пахатную ниву по сю сторону речки Мерчика и Шаровки»[7].

Что же являли из себя усадьбы первых помещиков-воинов? Это были укрепленные места, небольшие крепости, окруженные рвами и палисадами. В Старой Водолаге, в усадьбе Ширковых, до сих пор остались следы насыпей и рвов старой крепости, в которой был двор полковника Григория Донца. У арх. Филарета мы находим описание его: «Дом господский деревянный, окружен наподобие четырехугольного редута с четырьмя бастионами. При нем саду не имеется».

Сходное с этим описание двора Ф. В. Шидловского находим мы в «материалах для очерка деятельности Шидловских», приводимых Д. И. Багалеем в Истории горо-

---

[4] Д. П. Миллер. Архив Линтваревых.

[5] Д. И. Багалей. Заметки и Материалы для Ист. Слобод. Украины.

[6] Оба участка входят ныне в Натальевское имение В. А. Харитоненко и представляют собою площадь в несколько тысяч десятин.

[7] Земля эта нынче принадлежит г. Кениг и представляет собою громадную ценность (с. Шаровка).

да Харькова; мы узнаем, что «дом его с девятью светлицами, в селе Рождественском на Донце, был огорожен стоячим тыном, с четырьмя башнями наподобие крепости. Шидловский, как видно, начал строить каменные палаты, но успел вывести лишь восемь кладовых, из коих три с печами. При доме был яблоневый сад и виноградник; на площади против ворот выход был сделан внутри деревянный, а сход с него под лестницей – кирпичный со сводами, окна во всех светлицах стеклянные, из надворных построек был ледник с сушилом, амбар, две конюшни с сараями и погреба».

Под постоянной угрозой татарских вторжений первые помещики должны были прежде всего думать о неприступности своих усадеб. Самые жилища и палисады в те времена строились из дерева и, к сожалению, не сохранились нигде до наших дней. Вероятно, архитектура их носила черты, сходные с немногими, дошедшими до нас образцами деревянного церковного зодчества той эпохи – те же шатровые крыши и низкие стены с легкой орнаментикой и небольшими колонками.

Судить о внутреннем убранстве домов мы можем по сохранившимся описям движимости полковников Донца, Шидловских и Перекрестова[8], мы усмотрим из них, что богатые помещики того времени обставляли свои комнаты незатейливой мебелью; ставились деревянные стулья, столы, органы, лари и поставцы, но на стенах вешались зеркала и большое количество картин типичного казачьего письма, образцы которого мы найдем в Харьковском музее. У стен ставили портреты знатных членов семьи. Так, в Матвеевке у Д. Н. Execution Кованько мы видим портрет полковника Осипова, а в Карасевке Е. А. Хрущовой – портрет полковника Герасима Кондратьева, оба изображены в мантиях и с булавами. На стенах висело ценное оружие. В описях мы находим также длинный перечень одеяний, крытых бархатом, парчой, штофом, люстрином, объярью, камкой, гранитуром и др. плотными тканями, иногда опушенных дорогим мехом. Одежда была казачьего покроя, мужчины носили широкие шаровары, полукафтанья и черкески с откидными рукавами, на красоте которой сосредоточивались главнейшие попечения. Женщины носили кунтуши-кафтаны в талию с отложным воротником и обшлагами. Поверх одежды знатные чины надевали мантию-епанчу.

В кладовых помещиков хранилось много тканей, мехов, серебра и золота в виде посуды и в слитках. Всего было в изобилии в те времена, когда деньги имели лишь меновую ценность и главное богатство почиталось в накоплении вещевых запасов, из которых целые поколения черпали все нужное для своего обихода.

Хотя в описании господского двора в Водолаге сказано, что сада не имеется, но слобожане издавна имели склонность к садоводству[9]. Уже в царствование Алексея Михайловича мы видим значительные виноградники в Св. Горах и фруктовые сады в Новой Водолаге и Краснокутске. Однако сады того времени носили скорее промышленный, но отнюдь не декоративный характер.

[8] Г-жа А. Я. Ефименко, ст. в Харьк. сборн. 1887 г. С. И. Кованько, Описание Харьк. губ. 1857 г. и Д. И. Багалей, История города Харькова, т. I, глава 16.

[9] Речь проф. Багалея 17 января 1889 г.

Уже тогда крупные помещики считали для себя обязательным строить церкви в своих поместьях и при своих дворах. И если наружный вид этих церквей чарует нас наивной простотой своих линий, то для внутреннего убранства строители не жалели денег, и немногие церкви того времени, спасшиеся от огня или вандализма прихожан, красотой и причудливостью своих иконостасов свидетельствуют об искусстве тогдашних резчиков. Примерами служат церкви с. Бездрика М. А. Алферовой в Сумском уезде и в с. Каплуновке Богодуховского уезда (построена полковником Перекрестовым), в ней впервые явилась чудотворная икона Каплуновской Божией Матери.

Существует предание, что Карл XII велел сжечь эту церковь, обложив ее соломой, и, видя из окна дома священника, что никакие усилия его солдат не достигают цели и церковь не загорается, устрашился гнева Богородицы и поверил в чудотворную силу иконы, которая тогда сопутствовала Петру I в походе, но издали покровительствовала своему храму.

Суровая военная жизнь того времени ковала характеры, и суровы были нравы в ту пору. Наряду с постройкой церквей и делами милосердия, крупные землевладельцы чинили порою и грозный самосуд.

Часто бывали случаи нападения целых отрядов из подданных помещиков на более слабых соседей. Иногда таким способом решали споры о границах и праве владения. О таких случаях свидетельствует ряд писем начала XVIII века в архивах Щербининых и Кондратьевых с жалобами на захват земель и избиение крепостных соседних владельцев. До сих пор на колокольне в селе Крючике, Богодуховского уезда, висит колокол, вылитый в память победы помещика Н. А. Каразина над соседом его Ольховским, прогнанным вооруженной силой.

Случалось также, что помещики не только поощряли грабежи, совершаемые их подданными, но и сами становились во главе разбойнических банд и вели систематические набеги. У арх. Филарета мы читаем про сестру известного Сумского полковника Герасима Кондратьева, которая, по преданию, «была отважная женщина, но жила нечестно, она набрала себе ватагу сорванцов и на большой дороге обирала с ними московских купцов. Брат ее, узнав о том наверно, приказал сказать ей, чтобы унялась… После личных его убеждений переменить жизнь, сестра не переставала жить по-прежнему, тогда Герасим Кондратьев, поймав ее на деле, засадил в каменную стену и замуровал».

Трудно судить о достоверности рассказа, но он характеризует нравы того времени. Нужно прибавить, что Герасим Кондратьев был мудрым администратором, строителем многих церквей и двух монастырей и если не основателем, то покровителем нескольких народных школ при церквах его поместий (по переписи 1732 г. школа в селе Кровном с 4-мя дьячками, в с. Бобрик и др. его владениях). По вычислению Г. П. Данилевского тогда в Слободской Украине имелось до 46-ти школ.

«Издавна, говорит С. И. Кованько в своем описании Харьковской губернии, при многих церквах Слободской Украины были открываемы приходские школы». Участие слободских помещиков в создании школ несомненно в силу их влияния на духовенство

и приход. Они не только строили и содержали церкви, но и имели решающий голос при назначении причта.

Профессор Багалей в своей речи 17 января 1889 года приводит свидетельство Вейнберга, что в начале XVIII века «во владельческой слободе Белокуракиной, населенной подданными малороссиянами, по мысли владельца, открыта была школа».

Таков был, в общих чертах, быт слободских помещиков до половины XVIII века.

Тогда жизнь требовала постоянной борьбы за безопасность и нечего было думать о роскоши усадебной жизни последующей эпохи от Екатерины до Николая I, к которой мы переходим.

ГЛАВА II

Расцветом в жизни поместного дворянства следует признать долгие годы царствования Великой Екатерины и Благословенного Александра. Если французское влияние, царившее в Петербурге при Елисавете, отразилось сильно на подмосковных поместьях и, благодаря Разумовским, проникло в Чернигов, то на помещичьей жизни Слободской Украины оно отразилось мало. Мы не видим здесь ни одного помещичьего дома того времени. Барочные формы, свойственные той эпохе, привились лишь в слабой степени в церковном строительстве, и то мы почти не найдем усадебных каменных церквей в этом стиле. Зато в царствование Екатерины это влияние сказалось и здесь в полной мере. Если нравы и взгляды на право эволюционировали медленно и мы долго еще встречаем случаи насилия помещиков над соседями и их подданными, то наружные формы и самый склад жизни в поместьях сильно изменились. Помещики спешат возводить в своих деревнях каменные дворцы по проектам лучших художников, работающих при Петербургском дворе. Перед дворцами обыкновенно устраивали широкие парадные дворы (*cour d'honneur*), окаймленные красивыми флигелями с величественными каменными воротами при въезде; вокруг дворца разбивался парк, в котором белели каменные павильоны, круглые беседки с куполами, усадебные театры. Вблизи дворца строилась церковь в том же стиле, что и дворец, и при ней устраивался семейный склеп помещика. На могилах его семьи ставились художественные памятники в виде обелисков, статуй и урн. Блестящими образчиками усадебного строительства Екатерининского времени служат теперь Мерчик, Хотень, Должик и Александровского времени: Бурлук, Графское, Михайловка, Токари, Куяновка, Васильевка. Стремление строить и придавать всем постройкам художественные формы классики было свойственно не только крупным владельцам. Мы видим и в скромных усадьбах Екатерининской и Александровской эпох у помещиков среднего достатка не только барские дома, но даже службы и амбары с прекрасными фронтонами, на колоннах строго соблюденных ордеров, с рустованными углами, правильными легкими арками. Казалось, что чувство вкуса и стремление к прекрасному сразу привились людям того поколения.

И жизнь в этих усадьбах соответствовала их внешнему виду. Хлебосольство великорусских помещиков было свойственно и их южным соседям. И здесь, во дворцах Слободской Украины, помещики созывали гостей на пиры и празднества, развлекали их псовой охотой или спектаклями, разыгранными актерами из крепостных.

В Хотенских архивах мы найдем письма от Бибикова и графа Ивана Гендрикова к Кондратьевым, где они просят о присылке борзых и гончих для царской охоты. Там же

Д. П. Миллер нашел «ведомость о собаках», где значится на хотенской псарне Камбурлея 30 борзых и 33 гончих, причем указывается на то, что эти цифры ничтожны сравнительно с количеством собак других владельцев. В. И. Ярославский в своих воспоминаниях о Харьковской губернии (1788–1820 гг.) пишет о жизни в Мерчике Григория Романовича Шидловского: «Г. Р. был в свое время самый блистательный помещик губернии. Служа несколько курсов губернским предводителем дворянства, а потом вице-губернатором в царствование Екатерины, он привык давать великолепные, пышные обеды, балы и вечеринки. В Старом Мерчике построил он каменный огромный дом на высоком цоколе, где помещались печи и от них нагревались стены залы и гостиных в два света с хорами для музыкантов. Напротив был каменный двухэтажный флигель для помещения кухни и прислуги... В саду каменый манеж, беседка, резервуар и ротонда в виде круглого храма в два этажа со сводами, наверху, бывало, играет музыка, а внизу в прохладе отдыхают посетители. Все домашние и садовые постройки строены были по планам А. А. Палицына[10]... На обедах сервиз подавался весь серебряный, хрустальные доски на столах посыпаемы были разноцветными песками в виде прелестных ландшафтов».

У Г. П. Данилевского в Украинской старине мы находим описание имения Основы, принадлежавшего в начале XIX века губернскому предводителю дворянства Андрею Федоровичу Квитке: «Он имел счастье принимать в Основе покойного Императора Александра I. Смоляные бочки горели на всем расстоянии дороги от Харькова до Основы. Император, войдя в великолепный дом Основы[11] с оранжереями, бронзой, зеркалами и мрамором, спросил с улыбкой: «Не во дворце ли я?» Сад Основы, где теперь бегают серые кролики, где устроены дорожки, усыпанный оранжевым песком луг перед домом и собрание оранжерейных растений и деревьев, растущих на воздухе, не найдет себе соперников во всем околотке».

Помещики тех времен желали, чтобы при дворах их процветали искусства. Для управления домашними оркестрами из крепостных вызывались музыканты из столицы или из заграницы. В той же Хотени имеется переписка Камбурлея с «виртуозом» Францем Блюмом, приглашенным из Германии. В. И. Ярославский говорит, что «в Хотени часто играли музыки – скрипичная, духовая, а иногда роговая, доставшаяся М. И. Камбурлею от Попова, правителя канцелярии светлейшего князя Потемкина Таврического. Сверх того певческая, в которой были две девицы, певавшие арии».

Тогда было в обычае писать портреты с помещика и его семьи. Заказ давался иногда столичным художникам, но до нас дошло также несколько портретов местной Харьковской школы живописи, основанной Иваном Семеновичем Саблуковым при Екатерине[12].

---

[10] Все указанные постройки, за исключением ротонды, существуют поныне и воспроизведены в нашей книге.

[11] Прекрасный деревянный дом Павловских времен с высоким куполом, к сожалению, за ветхостью недавно разобран нынешним владельцем Основы А. В. Квиткою, воспроизведен ниже по снимку Д. П. Гордеева.

[12] В. В. Веретенников. Худ. Школа в Харькове в XVIII веке.

Иногда же портреты писались крепостными художниками.

Некоторые архивы (напр., Бабаевский, А. П. Флотта (Щербининский архив), Хатнянский графини Ц. В. Гендриковой или Камбурлеевский в Хотени) дают нам сведения о степени развития сельскохозяйственной культуры у Харьковских помещиков, являвшихся единственными насадителями ее в крае. И мы видим значительные успехи во многих отраслях сельского хозяйства. Процветало тогда и садоводство, этот давнишний промысел Слободского края. Но отрасль эта приняла в усадьбах новый характер, декоративный. В начале царствования Александра I В. Н. Каразин, основатель известного и ныне сада в с. Основьянцы Богодуховского уезда, посылал своих крепостных в учение к садовнику-англичанину, заведовавшему Хотенским садом Камбурлея[13]. Сад прежней незатейливой усадьбы превращается теперь под тем же влиянием запада в красивый английский парк с лужайками, прудами, кудрявыми группами разнолиственных деревьев и темными елями, столь редкими в то время на юге.

Кто же принес это влияние в далекий Харьковский край, кто побудил Харьковских помещиков перестроить свою жизнь по образцу жизни французских замков? Несомненно, это сделали сами дворяне. Служа в столице, в гвардии, многие из них были свидетелями той роскоши, которая царила в загородных дворцах Петербурга и Москвы при Елисавете и Екатерине. Они восприняли там культ красоты и принесли его в свой родной край. Надо полагать также, что эволюция эта всячески поощрялась и двором Екатерины, которая несмотря на свой широкий либерализм не останавливалась перед регламентированием частной жизни, раз она видела уклонение от намеченного пути устроения своего государства на началах культуры западной Европы. В ее царствование мы встречаем любопытный документ установления формы одежды не только для дворян, но и для дворянок Харьковского наместничества. В истории Харьковского дворянства Л. В. Илляшевич приводит Именной Указ от 6 мая 1784 г. генерал-поручику Черткову, в котором говорится: «Дозволив каждому наместничеству присвоять особые цвета для платья находящимся там у деле, тако же дворянству и гражданству, Мы препроводили в сенат Наш рисунки с описанием для лучшей ясности в исполнении, а вам чрез сие дать знать рассудили за благо, дабы вы старались вводить оное в употребление для обоего пола жительствующих в губерниях вам вверенных предпочтительно всякому другому наряду и украшению».

Строгой регламентации подвергался по чинам и выезд помещика. Так, в 1784 г. отставной прапорщик Перекрестов-Осипов вызывался в суд за то, что проезжал через Богодухов «не по чину его, коляской четырьмя лошадьми с двумя передовыми вершниками»[14].

Из указа Губернской Канцелярии 1769 года 16 декабря мы видим, что по чинам нормировалось даже право винокурения, этой основы помещичьего хозяйства того

[13] Д. П. Миллер. Арх. Харьк. губ.

[14] Д. П. Миллер. Арх. Ахтырск. полиц. упр.

времени: «1) Г. г. генералитету до полковника по их благорассуждению, во сколько котлов кто пожелает, 2) полковникам в 4-ре котла, 3) штаб-офицерам, также слободской бывшей казачьей службы, полковникам, обозным и судьям в 3 котла, 4) обер-офицеру в 2 котла и т. д.»[15].

В царствование Екатерины II в жизни Харьковских дворян-помещиков произошло 2 крупных события:

1) Преобразование слободских казачьих полков в регулярные гусарские. Дело это подготовлено генерал-губернатором Щербининым и до него кн. Шаховским и генералом Хрущовым[16].

С этой реформой упразднялся военно-административный строй, в котором должности полковников, судей и обозных занимались исключительно местными помещиками.

2) Учреждение Харьковского наместничества с введением губернских присутственных мест и установлением дворянских выборов. Акт этот давал поместному дворянству определенную сословную организацию и государственные права его избранникам[17].

Грамота «на права вольности и преимущества благородного российского дворянства», пожалованная в 1785 г., подтверждала и даровала некоторые преимущества сословию.

Последними актами Екатерина желала оказать милость Дворянству, создать в нем корпоративность, возбудить в нем интерес к древности своего происхождения, к своей родословной, интерес, убитый Петровской «табелью о рангах» и систематическим возвеличением служилого начала. К сожаление, удары, нанесенные в предыдущем веке, были слишком сильны и мысль Великой Императрицы не нашла достаточного осуществления и до наших дней.

У Илляшевича в ист. Харьковск. Двор. мы находим жалобу губернского предводителя дворянства, бригадира Хорвата в его «обращении к благородного общества собранию» 1793 г. на то, что «многие из числа состоявших в сей губернии не только не составляют общества, не быв в собрании с начала дарованного Е. И. В. Высочайшей грамотой милости отчего и качества их, да и самое состояние покрыто незнанием. Находясь в своих владениях, не имев с равными себе поведения и советов, а окружены бывши одними прислужниками влачат жизнь праздную и шествуя стопами своеволия другого, нарушают покой... затея, ссоры, тяжбы и драки».

Но если поместное дворянство не сумело в своих интересах использовать предоставленных ему льгот, чтобы стать сильным корпоративным и влиятельным сословием,

[15] Д. П. Миллер, там же.

[16] Д. И. Багалей. Матер. для ист. Слоб. Укр.

[17] До этого дворянство лишь раз собиралось для выборов депутатов в Екатерининскую комиссию об уважении и для составления наказов для этих депутатов; историк Харьковского дворянства Илляшевич в своем кратком труде совершенно не упоминает об этом знаменательном моменте из жизни Харьковского дворянства, однако вопросы, затронутые в этих наказах, настолько интересны, что были бы достойны подробного освещения.

то оно сумело принести в жертву своему отечеству свои лучшие силы и достояние во всех случаях, когда это требовалось.

При Александре войны с Наполеоном вызвали организацию ополчения, и Харьковские дворяне жертвуют непрерывно крупные суммы на это ополчение и сами вступают в ряды его.

Но не только дело защиты отечества требовало жертв дворянства. С давних пор помещики играли ту роль насадителей культуры и просвещения в крае, которую позже Александром II было возложено на Земство. Помещики строят за свой счет школы, больницы, богадельни, оплачивают жалованье докторам, выписывают для крестьян земледельческие орудия. Они же щедро жертвуют на учебные заведения, открываемые в крае. Так, по мысли славного Богодуховского дворянина В. Н. Каразина, основывается в Харькове университет, и дворянство первое ассигнует для той цели крупную сумму в 400 тысяч рублей. Оно также щедро жертвует суммы последовательно на институт для девиц и кадетский корпус. Самая мысль основания университета в Харьковском крае родилась в среде помещиков: еще в 1767 году среди Сумских дворян возникла мысль об основании университета в Сумах. В этой же помещичьей среде образовались литературный кружок Сумского помещика и талантливого художника А. А. Палицына, а также круг последователей известного философа Григория Сковороды.

Д. И. Багалей в Очерках из Русской истории указывает нам на владельца Стратилатовки (иначе Камянка) Изюмского уезда Андрея Афанасьевича Самборского (впоследствии духовника великой княгини Александры Павловны), который, в царствование Павла Первого, «устроил суд из крестьян стариков, по приговору коих награждали и наказывали, завел школу для обучения крестьянских детей, устроил больницу и определил доктора. В то же время он старался о распространении среди крестьян здравых понятий о земледелии, с этой целью выписал из Англии несколько земледельческих орудий». Больницы и школы за счет помещиков мы видим во всех крупных усадьбах того времени. Либеральный Богодуховский дворянин В. Н. Каразин пошел еще далее: он по особой записи отменил плату за требы в своем приходе в Крючике, назначив за свой счет жалованье духовенству. Свойственный русскому дворянству альтруизм широко привился на Харьковской почве, альтруизм, которому мы не найдем равного у дворянства западных государств и который заставлял наших помещиков во имя идеи, и часто в ущерб себе, нести материальные жертвы для пользы других сословий, того требовали дворянские традиции.

ГЛАВА III

Харьковские усадьбы наших дней по их внешнему облику можно разделить на три группы: 1) старинные усадьбы, перешедшие к их нынешним владельцам, которые бережно сохраняют и поддерживают их, 2) новые, иногда великолепные усадьбы с прекрасными парками и дворцами чисто современной архитектуры, напоминающие заграничные поместья, 3) небольшие скромные усадьбы без стиля, без каких-либо характерных для эпохи черт, но порою уютные, хозяйственные и в порядке содержимые.

Из этих трех типов усадеб первый мне кажется наиболее привлекательным. Из снимков, помещенных в этой книге, можно увидеть, как очаровательны старые усадебные здания, как все в них пропорционально и благородно. Кажется, что эти стены, ниши и колоннады говорят о минувшем лучшем веке поэзии и романтизма, давшем миру так много прекрасного в области искусств и духовных богатств.

Думается, что люди, сумевшие сохранить доставшееся им от прошлого художественное наследие в виде зданий, картин и других предметов, доказывают, что в наш безвкусный век им не чужды прежние идеалы гармонии и красоты.

А как удобны и поместительны эти старые дома и службы, и как хорошо можно приспособить их к условиям современной жизни, не нарушая их красоты. Нельзя не отметить некоторых, всего лучше сохраненных усадеб Харьковской губернии, из осмотренных нами: Великий Бурлук, Е. А. Задонской, Васильевка, г-жи Деларю (родовая усадьба Бекарюковых), Графское, графини С. П. Гендриковой, Мерчик, Е. М. Духовского, Токари, А. Д. Игнатьева, Бездрик, М. А. Алферовой, Михайловка, графини В. В. Капнист, Должик, князей Голицыных.

Но не всем суждено владеть старинными усадьбами, и многим современным крупным владельцам приходится создавать новые резиденции, которые великолепием и размерами едва ли уступят первоклассным дворцам Екатерининской эпохи.

Эти усадьбы второй, указанной мною, категории своим устройством напоминают современные замки Англии и Франции, где все создано для удобной и приятной жизни. Такие усадьбы мы встречаем в Натальевке, В. А. Харитоненко, Киянице, г. г. Лещинских, Шаровке и Тростянце, Ю. Л. Кениг, Кекин, В. А. Лорец-фон-Эблин и др.

Что сказать про усадьбы третьей группы? Они милы по-своему, хотя незатейливы. В них часто видна домовитость наших Малорусских помещиков. Но владельцам их хочется пожелать научиться у предков умению вкладывать в строительство даже простых надворных построек ту гармонию линий и благородство форм, которые мы встречаем в старых усадьбах.

Но увы! Есть еще категория усадеб, вид которых наводит на мрачные мысли и убивает желание что-либо создавать. Это усадьбы, покинутые своими владельцами, оставленные на попечении чужих людей. Надо с грустью указать на пришедшую в полное разрушение гробницу князей Кантемиров в Рогани, имении, ныне принадлежащем Крестьянскому банку, на руины гробниц Корсакова в Славгородке; на недавно разрушенный дом бригадира Хорвата в Салтове Волчанского уезда.

Наконец, нельзя не указать на два примера ничем неоправдываемого вандализма, совершенного в усадьбах громадной художественной ценности. Речь идет о страшном упадке, в котором находится бывший дворец Донец-Захаржевских в Константиевке Змиевского уезда, ныне составляющей майорат графа Головкина-Хвощинского. Ниже изображена конюшня, устроенная в прекрасном двусветном зале дворца.

Вторым примером является сознательное разрушение советниками покойного графа Строганова гнезда Кондратьевых, Хотени, пожизненно ему доставшейся, откуда он велел продать всю обстановку редкой художественности (часть ее, оставшаяся в Харьковской губернии, воспроизведена ниже), а дворец предполагал разобрать на кирпич для церкви, что, к счастью, не осуществлено. Однако не поддерживаемый уже многие годы дворец приходит в тот вид упадка, который можно увидеть на снимках в настоящей книге и из которого трудно будет вывести его нынешнему владельцу г. Лещинскому. *De mortuis aut hihil, aut bene*, но невольно рождается чувство горького упрека, по отношению к тому представителю славного рода русских меценатов, который способствовал трагическому окончанию этой главы истории прекраснейшей усадьбы Харьковской губернии, Хотени, усадьбы столь блестящей в прошлом и столь пустынной в наши дни.

Остается пожелать более счастливого будущего другим, сохранившимся и ныне цветущим усадьбам нашего родного края.

Гр. Н. В. Клейнмихель.

АРХИТЕКТУРА ХАРЬКОВСКИХ УСАДЕБ

ГЛАВА I

В этом кратком и, собственно, довольно обобщенном очерке обзор строительства сделан на основании материалов, собранных лишь в пяти осмотренных уездах Харьковской губернии. Однако, по имеющимся сведениям, предположительно можно было заключить, что материал по остальным уездам мало отличается по характеру от представляемого здесь. Поэтому можно было сделать и приведенные обобщения заранее, т. е. до объезда остальных уездов и до собрания материала, который войдет во вторую часть издания. Тем более оправдывающим мотивом являлось еще то обстоятельство, что хотя и в оставшихся уездах есть еще очень много материала, но, однако, качественно наиболее характерный и интересный находится, собственно, в пределах описываемых пяти уездов.

Первые усадебные постройки Харьковской губернии относятся, вероятно, к половине XVIII столетия. Едва ли была необходимость сооружения поместий для владетелей обширных необработанных земель в более раннее время. Во всяком случае, если и появились тогда какие-либо здания, то, или позже снесенные до основания, они совершенно не сохранились до нашего времени, или были так перестроены, что их и не узнать теперь! Даже церкви начала XVIII века уцелели в этом крае не в очень значительном количестве.

Между тем помещиками тех времен, вероятно, построено было немало храмов.

Впрочем, деревянные храмы в селах Мерефа (колокольня), Веселое, Бездрик и др. запечатлевают вполне все стилевые особенности церковных украинских трех и пятикупольных сооружений в стиле «барокко».

Поэтому, прежде чем касаться самих усадеб, остановимся на церковных сооружениях как старейших из уцелевших памятников, имевших отношение к усадебному строительству.

В самом деле, прелестны купола таких церквей, прихотливо-изогнутые, с перехватами, в несколько ярусов подымающиеся над сравнительно низким основанием храма. Такие многоярусные купола — «бани» в Харьковском уезде не во многом уступят лучшим «памятникам» деревянной церковной архитектуры Черниговской, Киевской, Полтавской или Волынской губерний (церкви г. Короча, сел. Березки, Короп). Больше всего сходства у них все-таки с известными храмами Черниговской губернии. Например, три яруса куполков колокольни в с. Мерефа — совершенно тождественны покрытию среднего купола церкви г. Короча и т. д. Встречается и шлемообразное покрытие купола (церковь в с. Бездрик).

Характерною частью не только этих ранних деревянных храмов Харьковской губернии, но и более поздних, как бы по традиции воздвигнутых все в том же «барочном» стиле, являются крылечки со стороны паперти, с южной и с северной сторон.

Эти крыльца имеют вид портиков из очень тоненьких, часто парных колоннок с упрощенными капителями (просто в виде четырехугольных дощечек) и базами (в виде дощечек, оструганных в виде кружочков). Колонки портиков покрыты треугольными фронтонами.

Таково, например, крылечко церкви в с. Иваны и др. Позднее и в каменную архитектуру проник этот же элемент, и мы встречаем всюду в самых простых по архитектуре храмах такие своеобразные портики.

В деревянном зодчестве, где стены всегда почти обшиты вертикально поставленными досками, часто интересна раскраска: колонки белые, а стены голубые, синие или желтые; при зеленых крышах «банных» покрытий (никогда не желто-зеленого тона, а всегда белесовато-бирюзово-зеленого) и золотых верхних куполках, колорит таких сооружений не лишен приятности.

Церкви Харьковской губернии, окруженные оградами (конечно, часто более поздними), с пышно разросшимися вокруг них садами, всегда поставленные удачно на холм или вообще «на отлет» от деревни, заслуживают быть отнесенными к числу живописных сооружений края.

Прежде чем перейти к каменным храмам, нельзя не упомянуть о деревянных старинных постройках другого предназначения. Здесь подразумеваются не усадьбы, — о деревянных помещичьих домах речь впереди, — а служебные, но не сельские, постройки. Деревянные, побеленные хаты, у которых сохранились интересные ставни, особенно красиво раскрашенные, — немногочисленны.

Таков навес или род звонницы в селе Гречановка Сумского узда. Это, по-видимому, не крестьянское сооруженьице, но, конечно, и не церковное. Между тем такие, где-то

среди чистого поля или на краю деревни, у выезда из нее одиноко стоящие башенки — очень характерны, вполне стильны и должны быть отнесены к у с а д е б н о м у строительству, но может еще додворянской эпохи, т. е. к XVII веку?

В равной мере все, что сказано о живописности и «уюте» церквей деревянных, можно отнести и к каменным храмам Харьковской губернии. В самом деле, если мы не знаем т е п е р ь точно, в какой мере были связаны сохранившиеся деревянные храмы с «поместьем» землевладельца, то ведь сохранившиеся каменные церкви почти всегда находятся в местной п л а н о в о й с в я з и с усадьбой. Невдалеке от дома, среди парка, часто даже более удачно, нежели самые дома, поставлены церкви. Лишь в некоторых случаях церкви, построенные несомненно п о м е щ и к а м и, оказались среди деревни (сильно разросшейся за сто лет), или в большом расстоянии от усадьбы (с. Бурлук). Но и тогда ясно видно из рассмотрения генерального плана, что место для храма з а р а н е е выбрано было при застройке усадьбы, находится, например, на главной оси с домом, или с аллеей, ведущей к нему, т. е. выбрано так, чтобы храм был хорошо виден из окон дома. Часто церковь строили вблизи (Должик, Константиевка, Михайловка) в уютном единении с домом, образуя с ним несомненно цельный *ensemble*.

Наиболее ранние каменные усадебные церкви (мы не касаемся чисто сельских или городских, — конечно, в Ахтырке, в Валках или в некоторых деревнях есть храмы и ранние и, главное, отличной архитектуры, например собор в г. Ахтырке, построенный Растрелли) в пределах описываемых пяти уездов находятся в Старом Селе Сумского уезда, в Должике Харьковского уезда и в Матвеевке Богодуховского уезда. Последний храм очень оригинален своим круглым планом.

Церковь Старого Села отнести надо к началу XVIII века п о с т и л ю и, вероятно (для провинции всегда надо принять во внимание некоторое запаздывание), к половине столетия п о в р е м е н и построения.

И покрытие храма, и обработка стен, и рисунок наличников носят определенный характер стиля барокко, но не московского «нарышкинского» «барокко», а петербургского, «трезиниевского», хотя, правда, сильно упрощенного и даже огрубелого.

Тяги карнизов мелкого, дробного профиля, подобие худосочных триглифов во фризе, прерванные высокие фронтоны с вставленными в тимпан круглыми окошечками, наличники окон с расширениями наверху, рустовка пилястр и силуэт куполов — напоминают церкви Петербурга эпохи Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны, т. е. эпохи, предшествовавшей появлению великолепного графа Растрелли, приукрасившего и сделавшего более изящными постройки своего времени.

После церкви Старого Села надо упомянуть Должиковский храм, тоже XVIII столетия, построенный ранее нынешней усадьбы, вероятно, вместе с прежде существовавшим домом. Украина, барокко — чувствуется в основных формах храма! Паперть обработана по традиции колоннами: может, она поздняя? Восьмиугольное же завершение куба колокольни, с переходом шейкой к барочному куполку, конечно, раннее сооружение. Особенно это заметно по наличникам окон, которые уже определенно

запечатлевают собою формы московского барокко, но, конечно, ничего общего с растреллиевским барокко, как некоторые хотят думать, эта церковь не имеет. Возможно, что самые верхние куполочки поздние (ампирные).

Сюда же отнесем церковь усадьбы Старый Мерчик, построенную в формах начала XIX и даже конца XVIII столетия.

Церкви самого начала XIX столетия не более многочисленны. Отзвуки, правда, отдаленные, церквей, построенных Фельтеном в Петербурге во второй половине XVIII столетия находятся в Бабаях и Константиевке (вторая – как бы копия первой церкви); вот все то, что можно отнести к 1790—1810 годам. 1810—1820 годы зато дают нам уже отличные образцы чистого ампирного стиля. Есть среди этих храмов и импозантные и обширные сооружения. Некоторые из них сохранились в первоначальном виде и являются украшением не только края, но лучшею страницею истории архитектуры России. Таких церквей, как в Великом Бурлуке, отчасти в Славгородке, немного во всей России, и не только в помещичьей или губернской России, но даже столичной.

В самом деле, особенно первая из упомянутых церквей, по чистоте стиля и мощности осуществленных форм – сооружение, достойное проекта, исполненного рукою лучшего мастера: какие пропорции ордера, как тонко, нежно и умело выполнены все детали! Какая невиданная красота колоннады, соединяющей колокольню с самим храмом!

Прелестны и позднейшие церкви в стиле *empire* и в усадьбе Алексеевка и в Белом Колодезе, и в Гречановке, и в Графском. Есть храмы и с оттенком стиля *faux gothique*.

Конечно, огромное большинство церквей Харьковской губернии – второй половины XIX столетия. Это все безличные классические «перепевы» 40—50-х годов: колокольни в два-три яруса с колонками испорченных ордеров, «вялые», плохого контура купола.

Как и в старейших деревянных, так и в поздних храмах половины XIX столетия, часто бывают очень интересны иконостасы или киоты (из прежних церквей). Лучший в этом роде иконостас конца XVII столетия, украинского стиля, в церкви села Бездрик, Елизаветинского времени – в церкви села Водолага: пышное барокко, не уступающий chef d'oeuvre'ам этого рода, например, иконостасу в соборе Козельца, Черниговской губернии. Красивые ампирные иконостасы находятся в церквах Великого Бурлука, Ракитного, Константиевки и др.

Из деревянных церквей стиля *empire* лучшая, как по внешним формам, так и по сохранявшемуся в ней иконостасу, была церковь в с. Лютовка.

После пасхальной заутрени 1915 года ее не стало: пламя в течение нескольких часов беспощадно поглотило и храм, и чудесный иконостас...

Так досадно исчезла одна из лучших реликвий усадебного строительства начала XIX века!

Рассмотрев памятники церковной старины, поскольку они входят в общий обзор усадебного строительства края, так как нередко церкви были воздвигаемы иждивением помещиков, часто входили в план усадьбы и даже были строены в тесном едине-

нии с усадебным домом, — надо упомянуть еще о самостоятельном роде архитектуры, именно о тех памятниках, которые украшают собою многие кладбища вблизи церквей или в парках, и о таких часовнях-мавзолеях, которые находятся собственно вне стен усадеб, но построены в честь или на могилах местных, прославившихся в России помещиков.

К таким надо отнести прежде всего прекрасный, ныне погибающий, мавзолей в честь родственника известного основателя русской изящной словесности кн. К. О. Кантемира в с. Рогань, мавзолей на могиле генерала Корсакова в с. Славгородок, фамильный мавзолей гр. Сиверс в с. Старая Водолага и мавзолей в Куяновке Куколь-Яснопольских.

Из фамильных надгробий упомянем о замечательных и почти погибших монументах в парке усадьбы Старый Мерчик. Монументы у церкви с. Славгородок — одни из лучших и наиболее характеризующих высокое состояние культуры и вкуса тех времен.

Эволюция архитектурных форм памятников гражданской архитектуры Харьковской губернии шла в общем параллельно тому же течению и развивалась в период тех же эпох, когда возникали в этих местах и церковные, и приближающиеся к ним по характеру только что рассмотренные сооружения (часовни, мавзолеи, кладбищенские памятники).

Но разнообразие форм в данном случае, пожалуй, будет еще меньшим.

Усадебное строительство, беря свое начало в последних годах XVIII столетия, развивается главным образом в продолжение первой четверти XIX века. Лучшие постройки относятся к 20—30-м годам, причем, как исключение, можно упомянуть усадьбу Мерчик, одну из самых интересных не только в области рассматриваемых нами пяти уездов Харьковской губернии и даже не только во всей этой губернии, — но, смело можно сказать, — во всей России. Мерчик, очевидно, построен был в 80-х годах XVIII столетия, в эпоху расцвета стиля *Louis XVI*, т. е. начала классицизма, когда на смену «барокко» Елисаветинской эпохи пришли новые течения из Парижа и в Петербурге строили Фельтен и Ринальди, а в Варшаве, Вильне — Кубицкий, Мерлини, Мошинский и Цуг.

Бесспорно, в качестве постройки более ранней, нежели эта усадьба, можно упомянуть только бывший помещичий дом в Старом Селе Елисаветинского времени и архитектурных форм, приближающих его к постройкам стиля «барокко». Если это был действительно дом жилой и дом местного помещика (ныне это амбар), то эта постройка явится, вообще, одной из наиболее старинных в усадебной России.

Дом в Писаревке, тоже Сумского уезда, можно отнести к концу XVIII столетия. Не только части его фасадов, но и крыши (особенно крыши), говорят в пользу этого предположения. История дома в Писаревке (Волчанского уезда) говорит о большой давности его построения, но теперешние слегка готические формы мало подтверждают это.

К числу сохранившихся построек раннего периода отнести можно также дом в Куяновке (Траскина) — его крутая крыша доныне (?) покрыта даже гонтом, — и хотя фасады этой уютной постройки лишены особой архитектурной обработки, но зато местный украинский тип сооружения чувствуется здесь гораздо сильнее, не-

жели в появившихся позже классических дворцах, возводимых, несомненно, если не московскими зодчими, то строителями из Киева или Полтавы, равно наполнявшими многоколонными портиками всю Украину, будь то Черниговщина, Харьковщина или Волынь. В конце концов, многие лучшие дворцы и дома — как-то Графское, Железняк или Бездрик — все это почти тот же тип, что и Сокиренцы (Полтавской), Александрия (Киевской) или Ляличи (Черниговской губернии). Усадебного типа, как такового, ведь, собственно, нет на Украине. В самом деле, чем дворец в Стольном Черниговской губернии или дом в Васильевке Харьковской отличаются от дома в Михайловке или от усадьбы в Очкине? В конце концов, надо признать, что, обладая типом построек церковных и монастырских XVII—XVIII ст., тоже не очень-то самостоятельным (влияние Германии через Польшу, Польши через Галицию), но все же довольно своеобразным, Украина не выработала своего характера барского «ампирного» дома. И только лишь с территориальной точки зрения можно, конечно, такие сооружения, как Качановка или Ляличи, относить к «украинскому стилю», как это делает автор книги об убранстве украинского дома (К. Шероцкий). В этих Гваренгиевских, подлинно петербургско-итальянских зданиях нет решительно никакой Украины, даже в росписях. Другое дело домик в Козельце (Покорщина) с его интимным обликом сельской архитектуры, с его росписями и печами. И тщетны усилия украинофилов даже такие постройки, как Яготин или Пануровку, причислять к якобы специфически украинским!

Первые усадьбы Харьковской губернии вполне классического облика, как было уже сказано, относятся к началу XIX века.

Лишь Мерчик может быть поставлен особняком. Его архитектура стиля *Louis XVI*, и вообще весь план этой огромной усадьбы, именно план усадьбы (а не план только дома), т. е. всех служб, флигелей и амбаров, в связи с парком, цветниками, партерами, огородами и фруктовыми садами, — представляет собою что-то настолько самостоятельное и образцовое, что в общий обзор вместе с другими усадьбами Мерчик идти отнюдь не может.

Есть разные пути для толкования истории построения великолепного дворца в Мерчике.

Помимо А. А. Палицына, которому, как мы увидим ниже, приписывают эту постройку некоторые мемуары, можно допустить вполне, что автором, ввиду несколько польско-французского характера архитектуры дома, был ссыльный зодчий поляк (ведь проживали в Уфе, Вятке, Вологде ссыльные поляки из Варшавы, строившие там отличные здания). Но еще вероятнее, что проект был заказан Шидловским архитектору из Варшавы. Очень уж мало общего в характере архитектуры этого дворца со всеми, вообще помещичьими усадьбами России, а сходство с фасадами домов в Варшаве и особенно с проектами Кубицкого, Мерлини, Цуга — огромное. Тот же, совсем и не Ринальдиевский оттенок стиля *Louis XVI*. Да и в общем плановом приеме усадьбы есть что-то скорее напоминающее поместья польской Подолии и Волыни, нежели русской Украины, т. е. Украины конца XVIII столетия, застраиваемой помещиками

из петербургских сановников (Завадовским, Репниным, Миклашевским, Судиенком). В Харьковской губернии строителями усадеб, не так как в остальной Украине, являлись больше местные помещики. Поэтому здесь было большое тяготение и к Москве, и к Польше, и к Петербургу (хотя такие усадьбы, как Хотень, являются исключением), но все же сильны были и местные традиции.

Именно похожие на Мерчиковский фасад постройки мы видим в альбоме (литографий) Наполеона Орды, зарисовывавшего поместья Могилевской, Гродненской и др. губерний.

Если же допустить, что Мерчик явился плодом работы и таланта русского зодчего школы Палицына, то почти все остальное строительство края тем более не подходит к характеру (особенно по стилю) творчества этого автора, мастера этой школы. После строгого, редкого для всей России, и явно носящего тип польских усадеб половины XVIII века в Ковенской, Люблинской, Минской и др. губерниях, Мерчика, ведь все остальные постройки (более или менее) приближаются к чисто русскому характеру, даже более – московскому, «особняковскому». Только церковь в Бабаях и дом в Должике, пожалуй, более ранней эпохи (рустованные стены последнего напоминают о Петербурге и о стиле *Louis XVI*). С другой стороны, дома и в Графском, и в Васильевке, и в Бурлуке – все это классика и притом приближающаяся по оттенку классицизма своего к ампиру Москвы. Особенно в Графском те же детали, как будто рука одного мастера лепила на Пречистенке и здесь, в Харьковской губернии.

Так почему же на всем огромном пространстве Украины, даже всей России, вдруг возникает такая типичная для стиля *Louis XVI* постройка? Кто же из русских или работавших в России мастеров мог построить такое сооружение? Никто. Архитектура его не характерна ни для какого мастера. И нет постройки, с которой можно бы было сравнить дворец в Мерчике. Ни Румянцевский дворец (Музей) в Москве, ни какая-либо постройка Казакова, работавшего в раннем классицизме, ни постройка Ринальди, – не имеет такого оттенка архитектуры стиля *Neufforge'a*. Совсем другое мы видим в отношении стиля «ампир».

Правда, Хотень – строже, мощнее и напоминает Гваренгиевы постройки Петербурга – Смольный институт и особенно Мариинскую больницу, на Литейном.

Но, с другой стороны, нельзя сказать, чтобы в усадебном строительстве Харьковской губернии нарочито проявлялся «ампирный» дух. Уже и Васильевка, и Железняк – не петербургского пошиба этого стиля. Нет, формы здесь строже, проще, тоньше. Даже есть что-то, что роднит усадьбы Украины с постройками далекими, но приближающимися по предназначению к усадьбам, в частности, и к классицистическим постройкам России вообще.

Я говорю о виллах венецианских патрициев и нобилей в провинции Венето в Италии.

Часто забывают этот первоисточник нашего строительства начала XIX века. Все продолжают считать нашу классику «ампиром», детищем Парижа, эпохи Наполеона

и т. д. Между тем и Гваренги, и Тромбара, и Руска, и Адамини, и Ринальди, и Джилярди, и ученики их – все это были истинные, верные себе итальянские зодчие, принесшие из Италии в Россию идеалы и типы строительства северно-итальянского. Родом эти зодчие были именно их тех мест, о которых было упомянуто, т. е. из окрестностей Венеции, Падуи и Виченцы.

И, действительно, что общего между усадьбою с тяжелым колонным портиком и парижским легким *hotel*'ем? Вот у храма в Бурлуке, правда, есть что-то общее с *Madelaine* в Париже. И первые постройки в Харьковской губернии более или менее парижского стиля (Мерчик), большинство же позднейших – в стиле итальянских вилл с *Terra ferma*.

Сходство некоторых усадеб с упомянутыми виллами поразительное. И не только плановое (план Пануровского дома Черниговской губернии, планы домов в Алексеевке, в Сосновке, и планы вилл в Лизиере, в Баньоло, в Пойана – совершенно тождественны), но и по внешней обработке фасадов. Почему же сходны так эти виллы и усадьбы? Потому что были общими причины возникновения как тех, так и других. Венецианские дожи, обладая прекрасными дворцами на берегах каналов, тем не менее были лишены в городе хотя бы куска совсем незастроенной земли, сада, виноградника. Поэтому у них было желание завести свое хозяйство, иметь свои сады и, вообще, ощутить простор полей, им хотелось взрастить свою лозу, вдыхать аромат своих цветов. И они строили виллы в окрестностях Виченцы, где чудная, на легком склоне равнина, орошаемая стекающей с снеговых вершин окрестных гор водой, покрыта богатой и сочной тропической растительностью.

Собственно, это были даже не виллы. Разве такова итальянская настоящая вилла? Разве это «вилла» – дом со всякими службами: коровниками, сеновалами, птичниками и обширными помещениями для приготовления и склада вина? Разве таковы были виллы д'Есте, Фраскатти, Мадама вблизи Рима? Вилла – это место отдохновения, и только. Она вне сферы хозяйства, мусора, неизбежного запаха коровников. Вилла не знает двора с колодцем, окруженного сараями для плугов и молотилок, в план виллы не включается склад золотистой пшеницы, кукурузы, «фабрика» шелковичных червей. Между тем таковы все эти поместья графов Порто, Вильмарана, Кальдоньо, – все эти Кампиглии, Баньоло, Фандзоло и т. д. Словом, то, что мы разумеем под понятием «помещичья усадьба», являют собою и эти сооружения в Северной Италии, построенные в XVI столетии Палладио. Вот почему, когда к нам в половине XVIII века прибыли «мастера-каменщики» из окрестностей Лугано, с озера Комо мастера, которые не могли не видеть на родине созданий Палладио и его продолжателей – Скамоцци, Кальдерари и др., – у нас появились тождественные сооружения. Архитекторы-итальянцы увидели, что запросы наших помещиков те же, что и запросы венецианских графов.

Так же, как и в лесистой местности у склона Альп, и здесь в Черниговской, Курской и др. губерниях среди лугов и лесов надо было устроить оазис, окруженный службами и амбарами, удобный для жизни и склада урожая полей. Так же вблизи дома перед

одним из фасадов разбивали сад, с другой стороны получался двор, окруженный служебными постройками.

Словом, усадьба, как тема архитектурная, совпадала с виллой палладиевской, и архитекторы, получив много заказов, принялись за композицию проектов (строились както все сразу). При этом зодчие столь мало проникались местными условиями, что, почти целиком заимствовав планы родных им построек, совершенно забывали о неудобствах применения такого плана, вызываемых, например, нашим климатом. Прямо почти с подъездного портика, – вход в зал (Пануровка), или чудесная колоннада по фасаду – и вход прямо в зал (как в Фратта Полезина, в Лизиере). И так как нельзя устроить из лоджии подъезд, то парадная дверь вкомпановывается где-то сбоку (Железняк), или позже пристраивается в виде тамбуров, что безобразит все здание и явно свидетельствует о неудобствах плана (Хатнее).

Таковы причины возникновения итальяно-классического палладиевского типа усадьбы. Конечно, и в Харьковской губернии некоторые мастера (больше русские) переработали тип виллы применительно к русским условиям. Получились постройки более самобытные. Двухэтажные, с хорошо разработанными парадными лестницами, с вестибюлями и без зал, расположенных в центре дома и едва освещенных с одной стороны окнами (Фандзоло, Лизиера, Меледо, Кальдоньо), – как в Пануровке. Но и здесь общие пропорции (например, соотношение этажей: первого, высокого с большими узкими окнами, и второго, низкого, с квадратными небольшими окнами) – вполне итальянские. Однако антресоли пришлись и нам очень по климату и по вкусу.

Здесь получились уютные теплые спальни и прочие интимные комнаты. При «парадности» характера жизни помещиков тех времен такое разделение или вернее отделение одного рода комнат от другого приходилось как нельзя более кстати.

Но если такие дома, как в Алексеевке, – несомненный, буквальный пережиток планов и зодчества итальянских вилл, то такие дворцы, как в Графском, в Бездрике, в Константиевке, приближаются к вполне самобытным, русским, н а м и н а й д е н н ы м типам.

Лучшим в этом роде является дворец в Хотени. Таких мощных, обширных сооружений не было и в «усадебной» Италии. Гваренгиевская сила чувствуется в портиках, в богатейшей лестнице, в залах.

Почти все упомянутые постройки, кроме Мерчика, носящего, как было сказано, несколько особый характер архитектуры, как будто польской, – воздвигнуты, несомненно, мастерами из Петербурга. Лишь Графское лепными деталями своими наводит на мысль о Джилярдиевской Московской школе. Сведений о каких-либо крупных строителях, работавших в этих местах, не имеется. По-видимому, проекты присылаемы были все-таки из столицы. Лишь полтавские правительственные сооружения (дом Дворянства, дом генерал-губернатора, дом губернатора, палата и др.) очень напоминают руку мастера, строившего, например, Васильевку, Михайловку (особенно близко расположенную к Полтаве) и др.

Поэтому можно предположить, что полтавский зодчий воздвиг и часть усадеб Харьковской губернии. Равно и харьковский архитектор тех времен мог воздвигнуть дома помещиков своей губернии. Такие здания, как университетская церковь (бывший дворец губернатора), первая гимназия (слегка *Louis XVI*) и ряд городских домов Харькова напоминают архитектуру построек усадебных.

К сожалению, архивы губернских правлений Харькова и Полтавы, где могли бы храниться соответственные дела, не обладают делами. В большинстве они не сохранились, впрочем, так же как и во всех других богоспасаемых и отдаленных от центра городах России.

Между тем планы некоторых зданий Харькова и Полтавы могли бы многое выяснить и открыть нам таким образом имена строителей. Конечно, Хотень – почти наверное создание первоклассного мастера, и не местного мастера (равно, как Мерчик), невероятно также, чтобы и автором первоклассной церкви в В. Бурлуке, быть может, сооруженной лучшим учеником самого Воронихина, был какой-то Никуатов (местное показание, не лишенное, впрочем, документальных данных), равно как и А. А. Палицыну, з н а т о к у искусства и л ю б и т е л ю архитектуры, приписывается слишком много значения в деле сооружения (якобы) Мерчика, церквей близ Купьевахи, в с. В. Бобрике и т. д.

Для характеристики того отношения, которое имелось в среде помещичьей к архитекторам и для выяснения той роли, которую мог действительно в то время играть какой-нибудь *dilletante* из среды местных же землевладельцев, но только помельче, победнее, а потому нуждавшийся и прирабатывавший постройками, остановимся подробнее на некоторых материалах. Приведем выдержки из воспоминаний В. И. Ярославского, помещенных в «Харьковском сборнике» за 1887 год (Литературно-научные приложения к Харьковскому Календарю, стр. 29 и след.).

Но, прежде чем ознакомиться с тем, что такое был Палицын «по Ярославскому», надо напомнить, что сам Ярославский был человек малокультурный, и хотя мнил себя понимавшим архитектуру и опытным строителем, но таковым вовсе не был, а потому и мог ошибаться.

В. И. Ярославский окончил в 1797 году курс учения в Харьковском казенном училище и был сначала канцеляристом сумского городского полицейского управления, потом он проживал у разных помещиков (типичный приживальщик) и в этой роли, присутствуя за столом, как необходимый атрибут жизни тех времен, служа для всяких поручений и наслышавшись всяких разговоров, кое-что и знал, но сильно путал и ошибался.

Он был и преподавателем, и землемером, и… «архитектором». Понятно, какие только поручения не давали в те времена помещики, сами малообразованные и часто хотя очень воспитанные во вкусовом отношении, но очень невежественные. Получивший «домашнее» образование помещик умел говорить на языках иностранных, понимал красоту искусства (портрета, построек), музыку, но в науках был очень не силен. И вот такой уездный учитель казался ему уже подходящим для образования своих детей.

В 1806 году Ярославский едет в Петербург, и в 1808 году он получает уже, конечно, благодаря, протекции и его постоянному пролазничеству (и это совершенно официально), должность губернского архитектора (*sic*!).

Но так как, собственно, все архитектурные темы тех времен были крепко связаны разными каноническими формулами и все решительно постройки были воздвигаемы в классике, то человек, изучивший ордера, мог смело заняться архитектурой. Строительно-конструктивные методы тех времен были тоже не сложны, материалов не жалели, рабочие руки были дешевы или совсем бесплатны; клали стены с запасом, потолще, своды покрепче, балки посолиднее, благо и дерева было сколько угодно. Изданы были альбомы (Высочайше опробованные), т. е. даны были типы, образцы для проектов, и всякий, не претендовавший на индивидуальность, мог смело заняться застраиванием провинциальной России (не так ли, к сожалению, происходит еще и теперь во многих глухих углах России, где строят бесправные техники даже низшего образования?).

В 1827 году Ярославский получает должность советника губернского правления в Туле, а последние годы жизни проживал в Сумах.

Важно то, что дядя его П. Ант. Ярославский был губернским архитектором в Харькове. Вот этот-то Ярославский, кажется, получивший специальное образование и строивший еще в конце XVIII столетия, вероятно, не безвинен в возникновении некоторых лучших построек Харьковской губернии.

Вот что говорит автор мемуаров:

«В Басах застал я Ал. Ал. Палицына; он, узнав, что я родной племянник губ. архитектора и что я занимаюсь архитектурой (?!) просил отпускать меня к нему ежемесячно».

А. А. Палицын, с которым автор воспоминаний был хорошо знаком и о котором много сообщает, по словам В. И. Каразина, «имел вкус к архитектуре, украсил несколько наших городов и множество сел зданиями. Действуя на богатых помещиков, в числе которых Шидловский и Надаржинский были его друзьями, он заохотил (!) их к строениям и лучшему расположению домов, к украшению их приличными мебелями, к заведению библиотек. Ему обязаны большею частью помещики началами европейского быта на Украине» («Украинская старина» Г. П. Данилевского, стр. 129).

«Я строил, — продолжает Ярославский, — по плану А. А. П-а в саду в виде беседки колоколенку на каменных столбах, которая, к моему удивлению, и теперь еще в целости существует, вероятно, оттого, что в столбы мною вставлены были железные штыри, связанные сверху и снизу, а притом и карниз для них был делан по кружалу, а не наливной». «Также я чертил набело план по прожекту А. А. для построения в Штеповке пяти куполов круглой церкви, в которой каменный главный свод между стенами сведен на 6 саженях. Постройка этой церкви стоила Штеричу 40 т. руб. Здесь (в Басах) по плану А. А. П. построил я каменный дом, существующий теперь, но только в запустении. В верхнем этаже вместо назначенных по плану комнат, с разрешения Святейшего Синода, устроена домовая церковь, построено еще 2 флигеля, оранжерея. В Каменке, владетель которой был Надаржинский, на высокой горе построена по пла-

ну А. А. Палицына каменная превосходная церковь, которая видна едущим даже по дороге из Ахтырки в Богодухов».

«Первым губернским предводителем дворянства Слободской Украины был Ф. Г. Шидловский. У него, по совету А. А. Палицына, я искал места. Шидловский редко приезжал в Харьков, жил в Старом Мерчике. По приезде в Мерчик вручил я письмо А. А. П. и объявил ему, что хотел бы заниматься в его имении по части архитектуры и землемерного дела. Он заявил, что ему не нужен такой, а нужен для меньшего сына учитель. Я просил 400 руб. жалования. Он давал 300».

«Я написал контракт с подрядчиком Добрыниным, который брался строить каменную церковь в Пархомовке для гр. Подгоричани».

Приезд Завадовского вызывает новые сведения. Сопровождал его Г. Р. Шидловский, который сказал Завадовскому, что в Поповке живет старый его сослуживец, бывший при фельдмаршале Румянцеве адъютантом, А. А. Палицын. Он посетил Палицына, обходясь с ним совершенно по-дружески».

«Г. Р. Шидловский был самым блистательным помещиком губернии, и губернский предводитель дворянства В. М. Донец-Захаржевский при свидании со мною обрадовался и пригласил меня ехать с ним в село его Изюмского узда, Бугаевку, где строился по моему плану двухэтажный дом».

«А. А. П. обрадовался моему приезду, особенно, я думаю, потому, что в это время у него не было помощника для черчения, но было много его прожектов на строения разным знакомым ему помещикам, как прежде. Бывало, что живало у него по 2 и по 3, которые обязаны ему были своим образованием».

«Гуляли по лесу, беседовали об архитектуре».

«В это время я сделал по его прожекту чертежи для увеличения каменной церкви и сделания в ней нового иконостаса в селе Мерчик».

«А. А. посылал Григорию Романовичу Шидловскому планы, объясняя, что сделал я их, и он мне прислал 150 р., вероятно вспомня, что он мне при отъезде дал 50, а становому 100».

«Просил рекомендовать к богатому помещику, т. е. М. И. Камбурлею для занятий по части архитектуры и землемерия. Он дал мне рекомендательное письмо и лошадей. М. И. К. уважал А. А., по планам которого построены в Хотени большая каменная оранжерея, конюшни и целая улица деревянных сельских домов для музыкантов и певчих. К. ласково принял, дал жалования 50 руб. Из Москвы приехал Н. О. Алферов, лучший из учеников А. А. П. Он приехал в Хотень и занялся черчением планов для постройки каменной церкви в с. В. Бобрик для Е. П. Рахманова».

«В составлении этого плана он уже не следовал вкусу А. А., а городскому (?). Однако, в 50-х годах, бывши в Бобрике, я видел в натуре построенную церковь, совсем по иному плану, говорят, каким-то итальянцем».

«В Хотени покрыл железом церковь, на фонаре которой выложил осьмерик, и сделал купол».

Таковы те немногие цитаты, которые можно извлечь из «мемуаров» Ярославского. Однако и они дают материал для предположений о том, кто же, действительно, строил Хотень, Мерчик и т. д. Одно ясно — сам Ярославский был просто чертежником, выскочкой, словом тем, что всегда во все эпохи считается явлением в архитектуре отрицательным. Такие авторы-строители всегда всюду только портят дешевыми ремонтами старые постройки и возводят, слабые по стилю, новые. Вся его работа у А. А. Палицына ясно ограничивалась «помощничанием», вычерчиванием «набело» планов и чисто хозяйственными, наблюдательными за постройкой функциями. Но чересчур много себе приписывающий чертежник-десятник сумел в те времена, однако, достигнуть должности губернского архитектора.

Неизвестно, что он построил в Херсоне, во всяком случае, едва ли ему принадлежат прекрасные постройки Херсона начала XIX века. Было бы интересно это выяснить и в связи с этим решить вопрос об авторстве Ярославского в харьковском усадебном строительстве. Может, мы и заблуждаемся.

Другое дело А. А. Палицын. Это симпатичнейший тип дилетанта, но, бесспорно, человека с огромным вкусом, бескорыстного постоянного советчика и друга помещичьих очагов; дорогой гость, сам гостеприимный, маленький помещик и страстно любящий архитектуру человек. Он именно гулял, обнявшись с другом-соседом по аллеям фруктового сада, беседовал об архитектуре европейской, о «мебелях». И большая роль А. А. П. в деле насаждения хорошего вкуса к зодчеству и обстановке, конечно, несомненна.

Но, опять-таки, судя даже и по данным восхвалявшего его труды Ярославского, нельзя сказать с определенностью, что же, собственно, построил Палицын. Ни о дворце с. Мерчика, ни о Харьковском дворце речи быть не может.

Скорее упоминание о приезде в Хотень Алферова указывает, что вот это именно был помощник какого-то большого зодчего-автора, и поисками о трудах Алферова, может быть, удастся напасть на следы авторства хотеньского дворца. Что же проектировал Палицын? Церкви, беседки, часовни, перестраивал и достраивал, т. е. делал именно то, для чего был достаточен местный десятник, подрядчик и бесхитростный, хотя и со вкусом сделанный план.

Безусловно, Палицын мог создать течение, архитектурную школу. Не только Алферова, но многих других создал он («лучший ученик А.») — однако это не был ни Растрелли, ни даже Ухтомский, опытный архитектор и действительно глава огромной школы зодчих.

Но роль Палицына, как натолкнувшего хотя бы одного Г. Р. Шидловского к приглашению зодчего и к постройке себе дворца по проекту, быть может, лучшего (заграничного) архитектора — очень почтенна, и его имя при обзоре истории строительства края должно быть упомянуто с благодарностью.

Мы встретили уже два имени строителей — не зодчих, а основателей, собственников харьковских усадеб.

М. И. Камбурлей и Г. Р. Шидловский создали два лучших сооружения. С их именами связываются *chef d'oeuvre*'ы архитектуры, достойные быть записанными на страницах если не европейского искусства, то во всяком случае отечественного.

Создать в те времена, в глуши, в многоверстном расстоянии от Москвы, Петербурга и Варшавы (вероятно, оттуда тоже везли многие из материалов во времена Екатерины) такие постройки, так их расписать, так обставить, разбить такие парки — это огромная культурная заслуга перед краем и Россией.

Поистине они воздвигли себе сами такие памятники, какие не поставлены даже благодарными потомками более великим людям. К сожалению, не в соответствующих заслугам этих людей условиях находятся ныне некоторые из этих памятников. В Мерчике почти разрушились совсем монументы на могилах Шидловских (о, неблагодарное потомство!), а во дворе Хотени — мерзость запустения (в залах нижнего этажа ссыпано зерно, обваливаются плафоны, выкрадены камины, двери, и зияющие трещины в наружных стенах здания). Не в лучшем виде и дом в Константиевке, сооруженный Донец-Захаржевским, имя которого также заслуживает быть внесенным в летописи истории культуры края. Дворец был очень красив — ныне печальные руины! Какие же еще помещики были строителями усадеб в Харьковской губернии?

Кн. Кантемир, как местный землевладелец, также, вероятно, построил себе достойное жилище, но оно уже не украшает более полей Харьковского уезда. Снесены до основания все постройки и на их месте ныне — фабрика. Даже монумент (с часовней), поставленный здесь близкими людьми, неблагодарным потомством предан забвению, и ныне он также являет вид руин. Не в лучшем состоянии и мавзолей Корсакова, строителя усадьбы в Славгородке, кстати, также приходящей понемногу в запустение...

Так чтится потомками память строителей Харьковских усадеб. Но ведь если мы помним еще имена Куликовских, Дуниных, Кондратьевых, Захаржевских, то имен авторов-зодчих мы совершенно не знаем. Значит, если преданные забвению и заросшие травой памятники все-таки дают еще возможность на полустертых досках прочитать фамилии строителей-помещиков, — то имена зодчих погибли совершенно! Навсегда погибли, т. к. едва ли где и в каких сохранившихся доныне дневниках упоминаются их имена. Ведь тогда (как, впрочем, и ныне) во всех описаниях торжества освящения или окончания постройки наверно упоминались имена всех присутствовавших, имена всех гостей, даже слуг, но имя зодчего, главного виновника торжества, нигде не указывалось...

Мы видели, что строителями усадеб были как неместные уроженцы, так и не выезжавшие почти из края помещики. Наряду с т. с. Камбурлеем, Гендриковым, Дуниным, Корсаковым, безусловно были помещики, не получившие «петербургского лоска». И, действительно, есть усадьбы, свидетельствующие о культуре столицы (Графское, Должик), и есть усадьбы в «местном» вкусе: Куяновка (Траскина), Липцы. И все же «пришлый» элемент едва ли больше застраивал край. Правда, ему принадлежит «грандиозный» род строительства, а интимный, уютный — местным людям. Правда, даже деревянные дворцы в Основе (разрушен), в Бурлуке — скорее плод наносной культуры,

тогда как местные, характерные для края особнячки, — это Иваны, Пожня, Видневка и др. Но последних большая часть, а дворцовые сооружения безличны: Графское — это почти Сокиренцы, Хотень приближается по виду к Гомельскому дворцу, к Батурину.

Тип усадеб строго классических сменяется постепенно, с приближешем к 30—40-м годам, несколько трафаретным, сухим, классицистическим стилем. Постепенно уменьшается точность, правильность постановки ордера, тонкость выполнения карнизов. Нет и той величавости, что заметна в ранних классических сооружениях — Хотени, Алексеевке, Васильевке. И Славгородок, и Сосновка, и даже Графское грешат дурными по выполнению карнизами наряду с хорошим планом или прекрасными еще лепными работами.

Позже, в Николаевское время, когда на смену классике приходит готика, — мы видим сооружения этого типа: Николаевку (портал из трех стрельчатых готических арок), Гиёвку (грандиозный дворец со стрельчатыми арками окон, мало, однако, интересный архитектурой), видим часовни в готике (Иваны), многие служебные сооружения (в Должике), въездную арку в Графском, церковь (снаружи) в Михайловке, род кордегардии в В. Бурлуке (очень интересную постройку в итальянской готике)... Еще позже, в пору начала развития форм русского стиля появляются такие сооружения, как конный двор в Старом Селе (с куполами в стиле якобы русском, но скорее напоминающем мавританский), дом в Гречановке, и т. д.

На этом заканчивается развитие художественных задач в отношении усадебных построек. Позже, т. е. в конце XIX столетия, наступает полный упадок архитектуры, и в это время, хотя и создаются богатые усадьбы, но они пошлы по стилю и скорее напоминают городские безличные *quasi* — ренессансные дворцы. Время, следующее за этим, уже не входит в пределы, нас интересующие.

Нельзя не сказать о постройках, причастных к усадебным, хотя и не составляющих главную тему этого рода строительства. Ввиду большой интересности этого типа сооружений мы уделяем рассмотрению его в книге довольно значительное место.

Больше и чаще чем церкви, служебные флигеля, оранжереи, амбары (часто в хуторах, таков хутор «Конное», состоящий сплошь из интереснейших амбаров), соединяются в одну архитектурную композицию с домом (Васильевка), но иногда, образуя целые улицы построек (Мерчик, Графское), являются сами по себе примерами зодчества тех времен. Нередко такие утилитарные сооружения подчеркивают нам ту истину, что не только дворец, дом, беседка, ротонда могут быть художественны, но что часто простой сарай, погреб и целый ансамбль их бывает прекрасен и архитектурен в лучшем смысле этого слова. В самом деле, в Харьковской губернии мы встретим такие постройки этого рода, которые по умелой, скромной и тонко-художественной обработке, конечно, в своем роде, не хуже лучших помещичьих домов.

Службы в Мерчике, с прекрасными арками, с рустовкой стен или пилястров и углов, службы в Графском в их фантастическом нагромождении с башнями (оранжерея), вышками и какими-то отдельными павильонами — да ведь это великолепие, достойное

самого обширного подражания! А как красивы, хотя и скромны, амбары (в Васильевке, в Токарях, в Михайловке), украшенные многоколонными портиками дорического ордера. Не хуже и «местные», деревянные, легкие, с оттенком классицизма, построечки. Например, сараи, с их тоненькими колонками и упрощенными, сделанными из дерева, капителями и базами.

Конечно, о красоте колодцев, павильонов в саду, фонтанов и гротов говорить не приходится: их вид говорит сам за себя.

Также надо только удивляться причинам происхождения и занесения сюда, в этот далекий, казалось бы, глухой в первых годах XIX столетия, край таких отличных, часто поражающих своим выполнением, деталей внутреннего убранства, какие мы видим не только в крупнейших имениях, но и в совсем маленьких. Конечно, прежде всего в Хотени замечательные фрески. Лучшие мастера расписывали эти тончайшие орнаменты на потолках, фризах *dessus-de porte*. Многочисленные изумрудно-зеленые, оранжевые, фиолетово-красные, сиреневые залы представляют нисколько не меньший интерес, чем прославленные за последние годы залы Ляличского дворца.

Таких росписей, может быть, кисти самого Скотти, нет больше нигде в Харьковской губернии, кроме тоже интересных и тонких, но уступающих в колорите хотенским, росписям дворца (ныне почти разрушенного) в Константиновке.

Но печи, столь же импозантные и разнообразные, как в Хотени, есть и в других местах. И если печи в Васильевке тоже красивы (в виде колонн с вазами наверху их), то печи в маленьких захолустных домиках (Липцы, д. Маркевича, Валки, д. Новского) и в домиках, снаружи даже мало говорящих о хорошей архитектуре (дом ныне Женской гимназии, в Волчанске) – едва ли не более занимательны и достойны почетного места в музейных коллекциях (Муз. Бар. Штиглица в Петрограде, Строгановского училища в Москве), нежели печи в больших дворцах. Таковы печи конца XVIII века, даже средины XVIII века, в домике в Липцах – поразительные по красоте (ниже мы рассмотрим их подробнее). Здесь и сине-белые кафли первой половины XVIII века, говорящие о Голландии, о времени Петра Великого, здесь и кафли стиля *Louis XVI* Екатерининского времени. В доме Новского кафли более поздние (общий рисунок из кафлей; в ранних печах – каждая кафля имеет свой рисунок).

Кроме фресок и печей из предметов внутреннего убранства, сохранившегося местного производства, мы отметим ниже отличные экземпляры, увы, часто сохранившиеся не на местах их происхождения, а вывезенные в другие имения, к счастью, не за пределы губернии (разумеем мебель из дворца в Хотени: кровать, зальная мебель, стулья, клавикорды).

В заключение этого краткого обзора нельзя обойти молчанием одного интересного рода строительства края. Должно быть еще со времен Аракчеева, и здесь, как на побережьях Волхова в Новгородской губернии, насаждавшего типы регулярных, стереотипных построек (и надо отдать ему справедливость, насаждавшего отличные образцы: Чугуев – ряды, госпиталь, дома горожан, Печенеги – тюрьма, и т. д.), – уцелели столбы

придорожные, межевые, пограничные. Проезжая по ровным, несколько унылым дорогам, пролегающим по Харьковским равнинам и редко когда холмам, часто встречаешь такие обелиски, пирамиды.

На фоне безбрежного, волнующегося моря золотистой ржи, или у дуба тенистого, или близ ручья, — такие обелиски, ныне часто разрушающиеся, оставляют самое приятное впечатление, красноречиво напоминая о днях давно минувших, об иных вкусах к красивому, об иных идеалах архитектурных — кто знает, быть может, навсегда угасших вместе с эпохой Александра Благословенного, вместе с расцветом помещичьего быта, крепостного права, беспощадной, твердой власти...

Совершенно идентичные мысли, до странности вызвавшие одинаковое ощущение, овладели мною при взгляде как на общий вид этих классицистических, храмоподобных зданий Харьковской губернии и ужасающего, возмутительно-печального их нынешнего состояния, так и при обзоре печального вида дворцов еще в одной области Европы, — о ней речь шла выше — а именно, при виде в Северной Италии покинутых вилл, построенных Палладио.

Как много общего в характере архитектуры этих итальянских построек с нашими усадебными!

Как сходны и трогательно печальны их судьбы!

